

«ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ»

НЕСОБРАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ НЕКРАСОВА

Публикация А. Максимовича

Вопрос об авторстве анонимных «Заметок о журналах», печатавшихся в «Современнике» в 1855—1856 гг., был поставлен давно, однако до сих пор не получил окончательного и достоверного разрешения.

Еще в 1878 г., А. М. Скабичевский писал в биографии Некрасова: «Как на более выдающиеся и позднейшие его <Некрасова> критические статьи, мы можем указать на «Журнальные заметки» в «Современнике» 1856 года, которые он писал по случаю уезда за границу И. Панаева, заведывавшего этим отделом. Статьи эти можно легко отличить по тому, что все они начинаются со слов «читатель» (на это отличие есть письменное указание в бумагах Некрасова)»¹.

Ссылаясь на указание Некрасова, Скабичевский имел в виду, несомненно, заметку «Прозы моей надо касаться осторожно», сохранившуюся в записи А. А. Буткевич.

В ней говорится: «Я писал одно время заметки о журналах (в 1855 или 1854 и 56 год <ах>). Эти статейки можно отличить, потому что я их, для отличия от других, начинал словами: Читатель» (ИЛИ АН СССР, фонд 203, № 46).

Скабичевский, писавший свою статью по материалам Буткевич, использовал это свидетельство небрежно, указав один лишь 1856 г. из трех, приблизительно названных Некрасовым, что и повело к дальнейшим недоразумениям².

А. Н. Пыпин, очевидно не зная подлинного свидетельства Некрасова и не взяв на себя труд обследовать весь цикл «Заметок о журналах» в целом, высказал по поводу цитированных слов А. М. Скабичевского ряд критических соображений, ограничивавших возможное участие Некрасова в этих «Заметках» в пределах 1856 г.

«Действительно,— пишет он в своем «Обзоре литературной деятельности» Некрасова,— обращение к «читателю» есть в «Заметках» за апрель 1856 г. (в майской книжке этого года); но по сохранившемуся «оригиналу» этой статьи, руки Ч<ернышевско>го видно, что Некрасову принадлежит только одно начало статьи (стр. 105—109, в «оригинале» отмечено, видимо впоследствии: «писано под диктовку Некрасова», и писано это карандашом); а дальше, статья до конца писана обычной манерой Ч<ернышевско>го... Далее, обращение к «читателю» есть в «Заметках» за май 1856 (напечатанных в 1856, № 6); но и здесь Некрасову могло принадлежать только начало (стр. 235—244), остальное написано Ч<ернышевским>, как показывает сохранившийся «оригинал». Таким образом, авторство «Заметок» определяется несомненно. Единственная статья, относительно которой возможно недоумение, есть... статья за февраль 1856 г. (в мартовской книге «Современника» того года) — «оригинал» этой статьи не сохранился. Нам представляется возможным участие здесь Некрасова, как в упомянутой выше статье за апрель»³.

Пыпин умалчивал о том, что «Заметки» за декабрь 1855— январь 1856 г. и за март 1856 г. тоже начинались обращением «читатель», так же, как и четыре предыдущие «Заметки» 1855 г., которые были вовсе оставлены им без внимания.

Авторитет Пыпина сыграл решающую роль: никто уже не пытался вновь рассматривать этот вопрос, и «Заметки о журналах» были прочно забыты — вплоть до наших дней, когда И. Н. Розанову удалось обнаружить в неизданной до тех пор переписке Некрасова с его другом В. П. Боткиным совершенно конкретные указания на авторство отдельных статей рассматриваемого цикла.

Суммируя результаты своей публикации, И. Н. Розанов писал: «Оказывается, что журнальные обозрения в «Современнике» за указанное время велись не Н. Г. Чернышевским, как думали раньше (напр., В. Евгеньев-Максимов), а другими лицами. Статья в № 10, «Заметки о журналах за сентябрь месяц», принадлежит Некрасову (см. письмо № 1). Подобные же заметки в №№ 8, 11, 12 за 1855 г. и № 2 за 1856 г. писались, повидимому, им же при заметном участии Боткина (см. письма №№ 1, 5, 6, начало указанной статьи в № 10, а также письма Боткина)»⁴.

И. Н. Розанов ограничился этими беглыми суммарными указаниями.

Остается сделать последний шаг: произвести систематическую ревизию всех накопившихся данных, проверить указанный самим Некрасовым критерий и попробовать установить «некрасовский цикл» и с ч е р п ы в а ю щ и м о б р а з о м.

Совокупность всех данных, имеющихся в литературе, убеждает в том, что Некрасов начал этот цикл статей «Заметки о журналах за июль 1855 г.» («Современник» 1855, № 8), написанной им совместно с В. П. Боткиным и (как свидетельствует обнаруженная мною наборная рукопись) при техническом участии А. Я. Панаевой (которая переписывала цитаты).

Пропустив очередной, сентябрьский номер «Современника» (где обзор журналов был дан И. И. Панаевым в его «Заметках и размышлениях Нового Поэта по поводу русской журналистики»), Некрасов продолжал далее свои заметки подряд, начиная с октябрьского номера 1855 г. и кончая июньским номером следующего, 1856 г.

Некрасов не был при этом единоличным автором этих обзоров: «Заметки» составлялись им при участии В. П. Боткина (за июль и декабрь — январь) и Н. Г. Чернышевского (за декабрь — январь, февраль, апрель и май), а также, возможно, при участии других лиц, специалистов по тому или иному вопросу (ср., например, разбор статьи о Гольфштрومه в «Заметках» за ноябрь, который, скорее всего, принадлежал специалисту). Официозные отчеты, — например, о деятельности умершего министра, кн. Ширинского-Шихматова, — также могли составляться второстепенным сотрудником редакции⁵.

Сотрудничество Некрасова кончается на «Заметках» за май 1856 г. («Современник», июнь); дальнейшие составлял единолично Чернышевский (иногда также с участием других лиц: Добролюбова, Пыпина). Уезжая за границу, Некрасов в начале августа 1856 г. набрасывает известные «условия с г. Чернышевским», в которые последним пунктом входит обязательство «писать заметки о журналах»⁶.

С переходом обзоров от Некрасова к Чернышевскому литературная тематика в них все более вытеснялась чисто публицистической, что привело к новой коренной реорганизации: «Заметки о журналах за июнь 1857 г.» («Современник» 1857, № 7) явились последней статьей этого цикла, который сменился «Современным обозрением» того же Н. Г. Чернышевского.

Итак, мы утверждаем, что «н е к р а с о в с к и й ц и к л» о б н и м а е т д е в я т ь с т а т е й, печатавшихся подряд — с августа 1855 по июнь 1856 г. включительно.

Основной ключ — свидетельство самого Некрасова, которое полностью подтверждается: все эти статьи действительно начинаются обращением «читатель», а во всех следующих, начиная с июльской книжки 1856 г., это обращение н е в с т р е ч а е т с я н и р а з у, исчезая именно тогда, когда заметки приобретают исключительно публицистический характер, т. е. именно тогда, когда Некрасов прекращает свое сотрудничество.

То же подтверждается другим основным источником — свидетельствами, идущими от Чернышевского.

Сводкой таких свидетельств в известной мере является «Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского», СПб., 1906, II, где авторство статей было проверено сыном критика, М. Н. Чернышевским, по наборным рукописям и корректурным листам «Современника». Сопоставляя с этим изданием весь цикл «Заметок о журналах», мы видим, что в с е статьи, не имеющие обращения «читатель», п о л н о с т ь ю, входят в состав сочинений Чернышевского, тогда как статьи, начатые этим словом, или вовсе не включены (как принадлежащие не Чернышевскому), или включены частично — всегда н а ч и н а я с с е р е д и н ы (так как начало принадлежит Некрасову).

Этим не только подтверждается полная достоверность указанного Некрасовым критерия, но и дается возможность выделить конкретную долю участия Некрасова.

Правильность атрибуций М. Н. Чернышевского может быть проверена: мы частично располагаем теми же документальными свидетельствами, из которых он исходил, устанавливая границы авторства Н. Г. Чернышевского.

Укажу, во-первых, на две известные мне рукописи: в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове (под инвентарным № 1687) хранится рукопись «Заметок о журналах» за май (напечатанных в «Современнике» 1856, № 6). Текст, весь написанный рукой Чернышевского, начинается словами: «Радужно приветствовали мы Русскую Беседу...» и кончается: «...приобретет общее уважение, — чего мы от души желаем». Это — лишь часть статьи, именно та, которая вошла в «Полн. собр. сочинений». Над текстом пометка рукой Некрасова: «Заметки о журналах» (видимо, Некрасов, компануя «Заметки» и присоединяя текст Чернышевского к своему, сделал это указание для метранпажа).

Вторая рукопись (там же, № 1019) относится к «Заметкам о журналах» за апрель («Современник» 1856, № 5). Несколько первых листов, писанных Чернышевским чернилами, начинаются словами: «От «Русского Вестника» публика ожидала...» и кончаются: «...О лекции покойного Грановского «Океания и ее жители» мы уже имели случай говорить». (Таким образом, эта часть опять-таки точно соответствует перепечатанному в «Полн. собр. соч.»).

Далее следует отдельный лист, писанный также Чернышевским, но карандашом и с позднейшей пометой Чернышевского над текстом: «Писано под диктовку Некрасова»; там же помета Некрасова, видимо для метранпажа: «В заметки о журналах. Апрель 1856 <«Современник» 1856, № 5>... Начало статьи».

Записи этого листа очень наглядно показывают, как происходила компановка «Заметок» в условиях спешной журнальной работы и как в некоторых случаях осуществлялось тесное сотрудничество Некрасова и Чернышевского. Поэтому приводим этот небольшой текст полностью ⁷:

«[P. S.] 28-го апреля вышел в Москве и сейчас только, когда уже эта книжка оканчивалась печатанием *, получен здесь 1 № «Русской Беседы». Нам¹** еще не было времени просмотреть книжку ***, но спешим сказать, что наружность журнала производит самое приятное впечатление****; содержание, судя по обертке, разнообразно; из него мы успели прочесть только несколько стихотворений, и в числе ***** их нашли два превосходных. Они принадлежат г. И. Аксакову. Приводим их здесь

(набирай № 1 и 2 из книги)

Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса. Замечательно также следующее стихотворение г. Хомякова

(набирай из книги № 3)»

<Далее вставка, рукою Некрасова:>

«Да еще пробежали мы вступительные страницы журнала, которые не худо ***** пробежать всякому, кто желает получить понятие о «Русской Беседе» *****». Вот как сама она излагает цель свою.

(набирай № 4 стр. I, II, III, IV, V, VI)»

<Конец — рукою Чернышевского:>

«Подробнее ***** мы познакомим читателей с 1-м номером «Русской Беседы» в следующем месяце».

* «Первоначально:> <1> когда уже совершенно окончена, <2> когда уже оканчивалась печатанием эта книжка нашего журнала.

** «Первоначально:> <1> Мы не успели прочитать, <2> Мы не успели еще и п<рочитать>, <3> Мы едва успели бегло

*** «Первоначально:> просмотреть «Русскую Беседу»,

**** «Далее зачеркнуто:> [а та стр<аница>] [мно]

***** «Первоначально:> и в том числе два

***** «Первоначально:> которые знакомят читателей с целью «Беседы». Сокращенно приводим здесь, — так к. они всего лучше.

***** «Первоначально:> понятие о том, чего должно ожидать».

***** «Первоначально:> Подробнее надеемся

М. Н. Чернышевский указывает еще на рукопись «Заметок» за декабрь — январь; перепечатывая принадлежащую Н. Г. Чернышевскому часть этой статьи, он сопровождает ее «примечанием издателя» (объясняющим помещение статей не по порядку): «Предыдущий лист был уже отпечатан, когда в рукописях нашлось указание на принадлежность этой статьи моему отцу»⁸.

Кроме этих материалов, следует принять во внимание списки статей Н. Г. Чернышевского, неоднократно составлявшиеся им самим.

Мне известны четыре таких списка. Три — в Доме-музее в Саратове (№№ 1021 и 1022). Один, находящийся в частном собрании (Москва), воспроизведен в «Литературном Наследстве», № 25—26, М., 1936, 203—205.

Один из двух списков, хранящихся под № 1022, относится к статьям второй половины 1856 г. и к 1857 г. и нам не нужен.

Из числа остальных трех список № 1021 наименее определен.

В номере втором «Современника» 1856 г. Чернышевский указывает «Заметки о журналах», но тут же приписывает: «Некрасов?» С таким же вопросительным знаком он указывает: «В заметках о журн(а)лах» — № 3 — вставка о Гоголе?»

Третье указание — «Вставка о Русской Беседе» (№ 6) — дано без вопросительного знака, однако книжка журнала указана неточно: «№ 5, 6». Вставка о «Русском Вестнике» (№ 5) не указана.

Список частного собрания также не вполне точен. Во втором номере Чернышевский своих «Заметок» не указывает, в третьем указывает суммарно — «Заметки о журналах», не выделив части, принадлежавшей лично ему (о письмах Гоголя). В пятом и шестом номере он уточняет: «Заметки о журналах» — «о Чичерине», «о Русской Беседе».

Совершенно точные, с указанием даже страниц журнала, сведения дает один из двух списков № 1022.

Чернышевский так указывает свои статьи 1856 г.:

№ 2. В заметках о журналах — о Р. Вестнике (стр. 219—222).

№ 3. Заметки о журн. стр. 80—90 (о письмах Гоголя).

№ 5. В зам. о ж. о Русском Вестнике стр. 109—118.

№ 6. В 3. о журн., о Р. Беседе стр. 244—256.

№ 7. Заметки о журналах.

№ 8. Заметки о журналах.

№ 9. В заметках о журн. стр. 122—133.

№ 10. Зам. о журн.

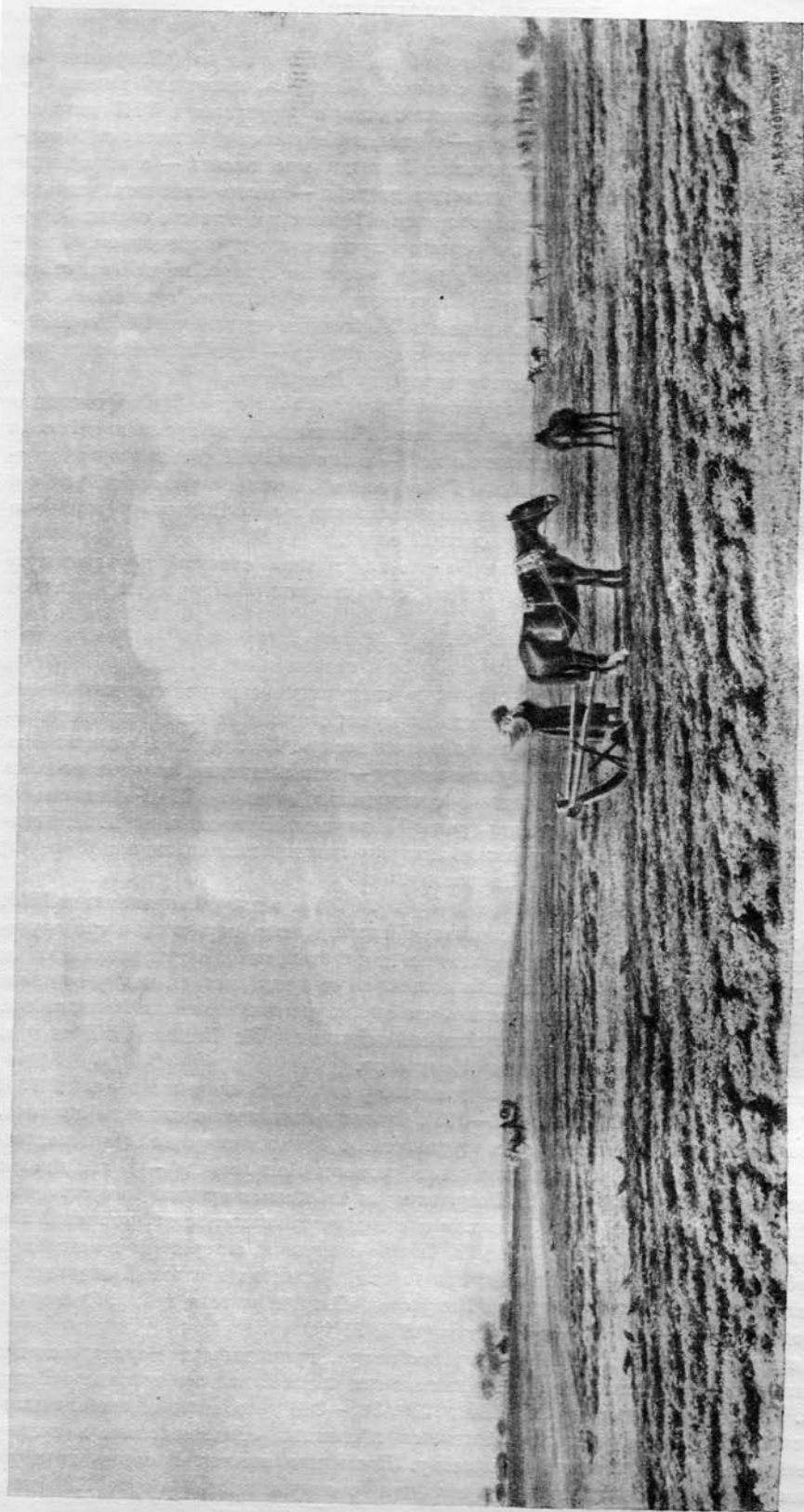
№ 11. Заметки о ж. (Кроме стр. 170—175, которые принадлежат Добролюбову).

№ 12. Зам. о ж..

* * *

Нам осталось суммировать все данные об авторстве каждой отдельной статьи из цикла «Заметки о журналах».

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а и ю л ь м е с я ц 1 8 5 5 г о д а» («Современник» 1855, № 8, 258—276). Статья начинается словами: «Читатель, вопреки вашим постоянным фельетонистам...». Прямое упоминание о ней — в письме Некрасова В. П. Боткину от первого сентября 1855 г.: «Милейший Боткин, вероятно тебя рассердила вымарка о Жихареве в нашем фельетоне... Фельетон наш, говорят, понравился. Если приедешь, в октябре смастерим другой. Я хотел было написать на октябрьскую книжку, да одному как-то скучно и неповадно». Вопрос авторства и точные границы участия Некрасова окончательно выясняются наборной рукописью статьи, обнаруженной мною в Доме-музее Чернышевского (№ 4283, значащийся как «рукопись с пометой Н. А. Некрасова от 27 июля без года», и № 4202, значащийся как «разрозненные страницы неизвестного произведения из военной жизни»). Некрасовым написано начало (первые два листа отсутствуют), до фразы «Итак, хороших стихов нет в «Отечественных Записках» включительно; далее идет текст, написанный рукою В. П. Боткина, до слов: «...поздравить русскую публику с новым женским талантом»; далее до конца идет некрасовский текст⁹.

НА ПАШНЕ

Картина маслом М. К. Клодта, 1872 г.
Третьяковская галерея, Москва

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а с е н т я б р ь 1 8 5 5 г о д а» («Современник» 1855, № 10, 165—185). Статья начинается словами: «Читатель, нынешний раз вы будете иметь дело с автором, который беседовал с вами о журналах в VIII книжке Современника». Прямое упоминание о ней — в письме Некрасова к Боткину от 24 сентября 1855 г.: «Теперь 10 № будет отличный. Некогда мне писать — я оканчиваю фельетон. Но о Писемском ни слова: отложил до тебя — вместе напишем дельный отзыв». Это полностью согласуется с упоминанием о Писемском в тексте статьи: «Рассказ г. Писемского «Питерщик» доныне остается лучшим его произведением. «Плотничья артель» также принадлежит к этому роду рассказов автора, но как мы имеем намерение вскоре говорить подробно о г. Писемском, то и отлагаем суждение о ней до того времени». Статья, повидимому, написана Некрасовым единолично. В нее включен пародический куплет: «В пирогах, в ухе стерляжьей» — одно наличие которого могло бы уже свидетельствовать в пользу авторства Некрасова.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а о к т я б р ь 1 8 5 5 г о д а» («Современник» 1855, № 11, 71—87). Статья начинается словами: «Читатель, в то время как Россия оплакивает столько героев...» Упоминание о ней — в письме В. П. Боткина от 18 ноября 1855 г.: «Здесь... то, что ты сказал о Гран(овском), очень понравилось, так что Елиза. Богд. <Грановская> вырезала это место и положила к себе. ...Твои «журнальные обозрения» очень здесь нравятся — продолжай их»¹⁰.

Косвенным доказательством авторства Некрасова можно считать последующую автореминисценцию: в черновой рукописи стихотворения Некрасова «Элегия. А. Н. Е<рако>ву» (1874) находим строки:

Старо, неправда ли, печь хлеба из муки?

Однакож из песку, попробуй, испеки!

(ИЛИ АН СССР, фонд 203), соответствующие следующим строкам статьи: «Очень однообразная вещь печь хлеб все из муки да из муки; он даже не всегда и удается, — однакож никому не приходит в голову печь его из песку». Повидимому, в статье есть вставки, принадлежащие неизвестному нам автору — так, например, опущенные нами в следующей ниже публикации отзывы о специальных статьях Д. Р. <овинского> («Академия Художеств до времен императрицы Екатерины II») и особенно П. П. Семенова («Гольфштрот, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе») едва ли могли принадлежать самому Некрасову.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а н о я б р ь 1 8 5 5 г о д а» («Современник» 1855, № 12, 271—284). Статья начинается словами «Читатель, вам, вероятно, часто случалось слышать...», что является единственным доказательством принадлежности ее Некрасову. Об участии в ней каких-либо соавторов сведений нет, и, ввиду ее чисто литературного содержания, очень вероятно, что она полностью написана Некрасовым. Общий характер высказываний — о журнальной политике, о Кс. Полевом, о Пушкине, о Дружинине — соответствует позиции Некрасова.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а д е к а б р ь 1 8 5 5 и я н в а р ь 1 8 5 6 г о д а» («Современник» 1856, № 2, 201—223). Статья начинается словами: «Читатель, прежде чем говорить о новых книжках журналов...». Упоминание о ней (свидетельствующее, по крайней мере, о редактировании заметок Некрасовым) — в его письме к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 г.: «Понравится ли тебе, как я пригнал твои страницы о Карлейле, — кажется, ладно». В качестве косвенного доказательства авторства Некрасова следует указать на слова: «Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне!» — очень близкие к образам стихотворения Некрасова «Внимая ужасам войны», помещенного в предыдущем номере «Современника» (1856, № 1).

Конец статьи, посвященный «Русскому вестнику», принадлежал Чернышевскому, как указано в его собственных списках (именно эта часть была перепечатана в Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, II, СПб., 1906, 345—348), что, в общей системе изложенных выше критериев авторства, является косвенным свидетельством в пользу принадлежности остальной части Некрасову. Последние несколько строк, не перепечатанные в указанном издании, — информация о скором выходе в свет «Стихотворений» Фета, повидимому, принадлежали опять-таки Некрасову.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а ф е в р а л ь 1 8 5 6 г о д а» («Современник» 1856, № 3, 78—95). Статья начинается словами: «Читатель, в добрый час молвить, оживление русской литературы, о котором мы недавно говорили, продолжается. Косвенное упоминание о ней — в письме Некрасова к В. П. Боткину 7 февраля 1856 г.: «Я сейчас прочитал Рудина, вторую часть (хочу писать о ней)». Это намерение осуществлено в конце статьи, причем высказывания о характере Рудина полностью согласуются с обычными для Некрасова мыслями об общественной роли идеалистов-либералов. В качестве косвенного аргумента в пользу авторства Некрасова можно отметить, во-первых, то, что начало статьи явно ведется от имени «журналиста», т. е., на языке того времени, и з д а т е л я журнала, а во-вторых — наличие автоцитаты из стихотворения «Поэт и гражданин», впервые напечатанного позднее настоящей статьи — в «Стихотворениях Н. Некрасова», М., 1856 (цензурное разрешение 14 мая, вышла 19 октября 1856 г.).

Чернышевскому принадлежала, как указано в его списках, основная часть статьи, касавшаяся напечатанных в «Москвитянине» писем Гоголя. Она была перепечатана в Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, II, СПб., 1906, 336—344, причем отзыв о Рудине, приписываемый нами Некрасову, был в этом издании откинут.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а м а р т 1 8 5 6 г о д а» («Современник» 1856, № 4, 223—237). Статья начинается словами: «Читатель, хотя дело и не касается журналов, но вам будет отрадно...», и это является единственным доказательством принадлежности ее Некрасову, если не считать того, что в отзывах о Майкове и Крестовском можно установить аналогию с предшествующими отзывами Некрасова об этих писателях. Об участии в статье каких-либо соавторов сведений нет, и можно предполагать, что она полностью написана Некрасовым.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а а п р е л ь 1 8 5 6 г о д а» («Современник» 1856, № 5, 105—109). Статья начинается словами: «Читатель, поздравляем вас с новым журналом!» Принадлежность начала Некрасову окончательно подтверждается описанной и перепечатанной выше рукописью, писанной Чернышевским под диктовку Некрасова, с собственноручной вставкой последнего. Вторая основная часть — отзыв о «Русском Вестнике» и об исследованиях Б. Н. Чичерина — принадлежала Чернышевскому, как указано в его собственных списках. Именно эта часть была перепечатана в Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, II, СПб., 1906, 363—370.

«З а м е т к и о ж у р н а л а х з а м а й 1 8 5 6 г о д а» («Современник» 1856, № 6, 235—256). Статья начинается словами: «Читатель, мы еще ничего не говорили вам...» Она резко членится на две части: беллетризованный отзыв о «Чиновнике» Соллогуба, написанный от лица мелкого чиновника, в жанре привычных Некрасову фельетонов натуральной школы, и суховатый разбор «Русской Беседы». Последний принадлежал Чернышевскому, как указано в его списках и что подтверждается также сохранившейся рукописью (с пометами Некрасова, свидетельствующими о его редакторском участии). Такое точное ограничение доли Чернышевского пределами второй половины статьи подтверждает вероятность принадлежности первой половины Некрасову.

* * *

Таковы данные, позволяющие ввести в оборот некрасоведения значительный массив журнальных статей, относящихся к периоду полной идейной и творческой зрелости Некрасова, к моменту его сближения с представителями революционной демократии.

Значение этого факта трудно переоценить. Из огромного наследия Некрасова-журналиста и критика нам были известны лишь случайные клочки: кроме статьи о Тютчеве (1850) и фельетонов «Свистка» (авторство которых в полном объеме устанавливается также лишь в настоящем издании), нам было известно полтора-два десятка юношеских фельетонов и рецензий 1840 гг. 50-е же годы, наиболее существенные для окончательного становления Некрасова, были представлены случайными и мало значительными статьями — вроде рецензий на стихи И. Ваненко «Осада Севастополя, или таковы русские!» или на брошюрку «О новоизобретенном способе отделения извести из свеклосахарных сиропов посредством стеариновой кислоты».

«Заметки о журналах» задуманы в совершенно ином плане. Они были вызваны насущной потребностью стать выше обычных журнальных дряг и литературных пересудов, создать принципиальную идейную трибуну журналиста.

Этого настойчиво требовала вся усложнившаяся журнальная обстановка — общее оживление в стране, рост общественных группировок, осознание журналов как выражений тех или иных борющихся идейных течений.

В этих условиях критические фельетоны И. И. Панаева — опытного, талантливого, передового журналиста — оказывались слишком легковесными, недостаточно принципиальными; нужен был серьезный, искренний, поучительный голос, и «Заметки о журналах» явились первой попыткой создать новый тип идейной критики. Не отказываясь от случайных откликов на журнальную злобу дня, они стремились иметь «характер воспитательный», затрагивали серьезные темы общественной морали и давали оценку наиболее существенным литературным явлениям тех лет.

Статьи эти, заключающие в себе отзывы о таких писателях, как Гоголь, Тургенев, Писемский, Лев Толстой, высказывания о задачах литературы, явятся основным материалом для изучения литературных взглядов Некрасова в середине 50-х годов.

От редакции. Не имея возможности перепечатывать цикл «Заметок о журналах» полностью, редакция включила в публикации:

1) первую статью цикла — «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года», вошедшую в Собрание сочинений Некрасова (Госиздат, М.—Л. 1930, III, 427—444);

2) восьмую статью цикла — «Заметки о журналах за апрель месяц 1856 года», приведенную в части, принадлежащей Некрасову, по рукописи, выше, во вступительной статье А. Я. Максимовича;

3) все части статей, заведомо принадлежащие не Некрасову, а В. П. Боткину и Н. Г. Чернышевскому;

4) отзывы, не касающиеся произведений художественной литературы и, повидимому, также не принадлежащие Некрасову.

Кроме того, в публикации сокращены некоторые объемистые цитаты и подробнее пересказаны содержания (все сокращения отмечены в тексте и снабжены аннотациями).

«Заметки о журналах» печатаются по тексту «Современника» 1855—1856 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скабичевский, Николай Алексеевич Некрасов, его жизнь и поэзия. — «Отечественные Записки» 1878, № 6, 395. Ср. в настоящем томе: стр. 153.

Мотивировка, приводимая в статье А. Скабичевского, неверна: вместо «Заметок о журналах» Панаев тогда же стал составлять «Заметки о петербургской жизни».

² Правда, В. Горленко в статье «Литературные дебюты Некрасова» тогда же называл более широкую (тоже неточную) дату: «около года (с конца 1855г. и до августа 1856 г.)», — но это утверждение, не подкрепленное никакими доказательствами, не могло иметь вес, особенно если учесть, что в своем перечислении отдельных тем «Заметок о журналах» он приписал Некрасову «полемику с славянофилами и... с... Чичериным об историческом значении русской сельской общины», которая явно не могла ему принадлежать («Отечественные Записки» 1878, № 12, «Совр. заметки», 165).

³ А. Пыпин, Н. А. Некрасов, СПб., 1905, 232—233, прим.

⁴ «Печать и Революция» 1928, кн. 1, 47. — В списке И. Розанова номером первым обозначено письмо Некрасова Боткину от 24 сентября 1855 г., номером пятым — письмо от 24 ноября 1855 г., номером шестым — от 7 февраля 1856 г.

⁵ Таким образом, авторство Некрасова относительно рассматриваемых статей следует понимать в ограниченном смысле. Именно статьи с обращением «читатель», несомненно, начаты и редакторски составлены Некрасовым, однако не всегда принадлежат ему единолично: иногда они включают материалы других лиц (ср. в письме к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 г.: «понравится ли тебе, как я пригнал твои страницы о Карлейле, — кажется, ладно»).

⁶ Н. Некрасов, Собрание сочинений, М.—Л., 1930, V, 256, прим.

⁷ Текст совпадает с журнальным; перепечатывая его здесь по рукописи, в основную публикацию мы этой заметки не включаем.

⁸ Н. Чернышевский. Полное собрание сочинений, СПб., 1906, II, 345.

⁹ Две цитаты (из статьи Лукина «Об опеке и попечительстве» и из романа Диккенса «Тяжелые времена») вписаны рукой А. Я. Панаевой; вместо выписки двух цитат из статьи И. Берга «Десять дней в Севастополе» наборщику было дано указание набирать с печатного (правленного Некрасовым) текста (ныне № 4202).

¹⁰ «Голос Минувшего» 1916, № 9, 181.

СЕМЬ АНОНИМНЫХ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ НЕКРАСОВА ИЗ «СОВРЕМЕННОГО» 1855—1856 гг.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА СЕНТЯБРЬ 1855 года

Читатель, нынешний раз вы будете иметь дело с автором, который беседовал с вами о журналах в VIII книжке «Современника». Книжки журналов по поводу осеннего времени полнее и любопытнее, и потому беседа наша будет, если не живее, то продолжительнее предыдущей. Мы приступаем к ней под самым приятным впечатлением, которое сообщил нам рассказ г. Григоровича «Школа гостеприимства» («Библиотека для Чтения», № 9). Наконец, г. Григоровичу удалось выполнить задачу, которую он упорно преследовал во всех своих произведениях, не относящихся к на-

КАЛЫКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Картина маслом И. М. Приявникова, 1870 г.

Третьяковская галлерея, Москва

родному быту, именно: в «Накатове», в повести «Новый год», в «Свистулькине», и которая состояла в том, чтоб написать нечто легкое, игривое, одной стороной прикасающееся к действительности, другой — к карикатуре, — словом, нечто такое, что с виду только легко, а в исполнении представляет огромные трудности. Задача и цель такого произведения: возбудить в читателе смех, — тот беззаботный, добродушный смех, который, по словам Гоголя, «как бы излетает из светлой природы человека». Несколько искр этого редкого и дорогого смеха вырывает у читателя новая повесть г. Григоровича — вот лучшая похвала, которую мы можем сказать ей. Не пускаемся ни в изложение содержания, ни в выписки, потому что черты добродушного комизма, которым исполнена повесть, могут производить впечатление только в целом, когда читатель проникнется мирным, веселым и не лишенным своей грации тоном и колоритом рассказа. Читатели, уважающие в г. Григоровиче даровитого автора народных

повестей и романов, так серьезно и благородно понимающего свою задачу и так прекрасно служащего ей, в авторе «Школы гостеприимства» полюбят веселого, беззаботного рассказчика, повидимому думающего об одном, чтоб посмешить их и самому посмеяться вместе с ними. Есть, впрочем, черта в новом рассказе г. Григоровича, которая может произвести неприятное впечатление, но она, собственно, не относится ни к литературе, ни к читателям; ее заметят только немногие, и потому мы умалчиваем о ней, предоставляя себе при другом случае коснуться вопроса о том, в какой степени можно вносить свои антипатии в литературные произведения? ¹

В IX № «Библиотеки для Чтения» помещено стихотворение г. Бенедиктова «Малое Слово о Великом». Если б стихотворение было только слабо, мы оставили бы его в покое: чье «слово» не побледнеет перед личностью Петра? ² О нем собственно и не может быть великих слов. Но... вот, для примера, как отразилось в стихотворении г. Бенедиктова одно из бессмертных дел Великого — основание Петербурга.

Раз, заметив за холустье,
Лес, болотный уголок,
Глушь кругом, при Невском устье
Заложил он городок.
Шаток грунт, да сбоку море:
Расхлестнем к Европе путь!
Эта дверь не на затворе,
Дело сладим как-нибудь.
Нынче — сказана граница.
Завтра — срублены леса,
Через десяток лет — столица,
Через сотню — чудеса!

Кто не почувствует, как эта картина бедна, не полна и не верна, начиная с природы до того, что думает или говорит у г. Бенедиктова Преобразователь, решаясь заложить город? За холустье, болотный уголок — разве эти слова сколько-нибудь дают понятие о пустынной, грандиозной и дикой природе, среди которой гениальная мысль Великого угадала необходимость русского города? А то, что думает он... но, впрочем, припомним лучше картину, нарисованную Пушкиным по тому самому фону, — тогда все будет ясно само собою:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн.
И в даль глядел... Пред ним широко
Река неслася; утлый челн
По ней стремился одиноко...
...И думал он:
Отсель грозить мы будем Шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Судьбою здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море,
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе.

Мы не думаем требовать, чтоб г. Бенедиктов дал нам нечто равняющееся достоинством Пушкину, — мы только обращаем его и наших читателей внимание на тон, которым говорит Пушкин сравнительно с тоном г. Бенедиктова. Не правда ли, тон не последнее дело в литературном произведении, не говоря уже о других требованиях? До какой степени удовлетворяет стихотворение, например, внутреннему пониманию характера и верному его отражению до малейших подробностей можно уже видеть по приведенной выписке. У Пушкина Петр думает:

Судьбою здесь нам с у ж д е н о
В Европу прорубить окно... и проч.

Г-н же Бенедиктов заставляет его думать так:

Эта дверь не на затворе,
Дело сладим ка к - н и б у д ь...

Но возвращаемся к тону стихотворения, не предъявляя никаких других требований. Великое дело введения в России флота отразилось у г. Бенедиктова в следующих четырех стихах:

Взял топор — и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик — флотик,
Этот флотик — флот родил.

Указ о бороде в следующих:

Надо меру взять иную!
Русь пригнул он... быть беде!
И хватил ее, родную,
Топором по бороде:
Отскочила! — Брякнул, звякнул
Тот удар... легко ль снести?
Русский крикнул, Русский всплакнул:
Эх, бородушка, прости!
Кое-где и закричали:
«Как? Да видано ль во век?»
Тсс... молчать! — И замолчали.
Что тут делать? — царь отсек.

Важные исторические факты, имевшие столь сильное влияние на судьбу целого народа, не являются ль несколько в чуждом им свете, переданные таким тоном, с такой точки зрения?

Это не народный язык — и не язык людей образованных, — что же это такое?.. Не беремся отвечать, — знаем только, что на такой тон нельзя написать удовлетворительного произведения о предмете, который избрал г. Бенедиктов.

Заметим еще, что стремление к оригинальности, к обычной у г. Бенедиктова вычурности и ухарской громозвучности (о которой мы ничего не сказали, потому что о ней уже было говорено слишком много), местами привело автора к неверному употреблению слов, как, например, в следующем куплете:

И в тот век лишь взор по п я т и ш ь,
Все оттоль глядит добром —
И доселе, ч т о н и с х в а т и ш ь,
Отзывается Петром...

Возможно ли: попятить взор? Для этого единственное средство, чтоб глаза выскочили на затылок, но попяченные таким образом они едва ли сохранят способность что-нибудь видеть. Вторая половина куплета тоже не верна. Схватить можно и недостойный предмет.

Мы не распространились бы так о новом стихотворении г. Бенедиктова, если б не считали его человеком даровитым, но идущим, к сожалению, по ложной дороге (что мы несколько раз говорили и теперь повторяем с полным убеждением)³. Самое удачное место в стихотворении следующее:

И с ремесленной науки
Начал он и, в деле скор,
Крепко в царственные руки
Взял он плотничий топор.

С бодрым духом в бодром теле
Славно плотничает царь;
Там успел в столярном деле;
Там — глядишь — уж и токарь.

Приловчил к станку он руку
И Давылыча зовет:
«Эку выточил я штуку!» —
Да и штуку подает.

К мужику придет: «Бог помочь!»
Тот трудится, лоб в поту.
«Что ты делаешь, Пахомыч?»
— Лапти, батюшка, плету;

Только дело плоховато,
Ковыряю, как могу,
Через пятое в десято. —
«Дай-ка, я те помогу!»

Сел. Продернет, стянет дырку,
Знает где и как продеть,
И плетет в частоковырку,
Так-что любо поглядеть.

Это место хорошо — именно своей тривиальностью. Так и должно говорить о плетении лаптей, кто бы их ни плел. Но когда хотим говорить об основании города среди пустыни, вследствие соображений, гениально прозревающих в даль грядущего, об устройстве флота, о распространении просвещения «на Руси — немножко дикой» (стих г. Бенедиктова), — ясно, что тогда нужен тон другой.

Все сказанное в той же степени относится к другому стихотворению г. Бенедиктова: «Отечеству и Врагам его», в котором между прочим есть такие стихи о любви автора к родине:

Я люблю тебя во всем
В русской девице светлойкой
С звонкой россыпью в речи,
В русской барыне широкой,
В русской бабе на печи, —
В русской песне залюбленной,
Подсердечной, разлихой,
И в живой, сорви-головной,
Всеразгульно-плясовой, —
В русской сказке, в русской пляске.
В крике, в свисте ямщика,
И в хмельной с присядкой тряске
Казачка и трепака *.
В пирогах, в ухе стерляжей,
В щах, в гусином потрохе,
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей требухе!...

Последних четырех строк нет у г. Бенедиктова; мы их сочинили, увлекшись примером поэта. Но не правда ли, они очень идут тут? Их как будто недоставало! Выразить любовь свою к отчизне любовью к трепаку или к няне и к ботвинье (блюдам, впрочем, прекрасным), смешивая эти пустяки с предметами действительно существенными и достойными сочувствия к а ж д о г о русского, теперь уже слишком несвоевременно. Такой патриотизм давно и достойно отмечен прозванием: квасного. Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и

* Библ. для Чт., № 8.

БРОДИЧИЙ МУЗЫКАНТ

Рисунок М. С. Башпилова

Русский музей, Ленинград

самую жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию, указываемый ему пекущимся о благе его монархом. Пожалуй, к этим не обходимым принадлежностям каждого истинного сына своей земли можно присоединять и любовь (как оно часто и бывает) к каждой мелочи родного быта, обычаев, нравов — до вкуса в пище. Но это уже не есть условие необходимое. Можно не любить трепака или квасу — и умереть за отечество, жертвою любви к нему и сознания своего долга. И, наоборот. Любя и квас, и трепака, и очищенную — можно дойти до забвения своих обязанностей, если сознание долга в человеке слабо и любовь к родине не имеет основы разумной. — Сколько у нас иностранцев, которые, пожив в России два-три года, утверждают, что не могут обойтись без русской ботвиньи, блинов, щей, каши, простого вина, но это не дает им права быть русскими, а нам предполагать в них наших братьев, горячих сынов нашей родины. Русский же, какими-нибудь судьбами проведенный большую часть жизни вне отечества и даже не знающий о существовании ботвиньи или трепака — все-таки наш брат, все-таки русский... Дело, очевидно — не в трепаке! — Обо всем, сейчас сказанном, в свое время было уже очень много говорено в русской литературе, но после прекрасных образцов разумного, благородного патриотизма, — нам неприятно было встретиться с прежней манерой... Ничего не может быть приятнее для русского, как чтение таких произведений, где торжествует чувство патриотизма. Но надобно, чтоб это великое чувство было выражаемо достойным его образом!

Переходим к «Отеч. Запискам».

Х № «Отечественных Записок» открывается повестью г. Писемского «Плотищья артель». Дарование г. Писемского достаточно известно читателям «Современника», напечатавшего в течение последних трех лет несколько более или менее удачных произведений этого писателя, как-то: «Богатый жених», роман; — «Раздел», комедия; — «Леший», рассказ из народного быта; — «Фанфарон», правоописательные очерки, внушенные автору, как он сам заметил, «Снобсами» Теккерея; — «Виновата ли она?»,

повесть. Которое из этих произведений более понравилось публике и которое действительно должно назвать лучшим, сказать теперь уже можно положительно: это «Леший», рассказ из народного быта. Подобные рассказы особенно удаются автору, и после мастерских очерков гг. Даля, Тургенева и Григоровича, народные очерки г. Писемского, конечно, лучшие в русской литературе. Рассказ г. Писемского «Питерщик» донныне остается лучшим его произведением. «Плотничья артель» также принадлежит к этому роду рассказов автора, но как мы имеем намерение вскоре говорить подробно о г. Писемском, то и отлагаем суждение о ней до того времени ⁵. Это нам не мешает заметить теперь же, что народный язык в этом рассказе удивительно верен.

⟨Далее опущена полемика с Жихаревым и выписки из двух «лучших мест» из его «Дневника чиновника». — Р е д.⟩

Следуя порядку размещения статей в «Отечественных Записках», нам теперь должно бы говорить о статье «Очерки из старинной русской литературы», но мы не читали начала статьи, помещенного где-то в прежних номерах журнала, и потому проходим продолжение молчанием. Критика и библиография «Отечественных Записок» отличаются обычною дельностью, вполне выкупающею тоже обычную сухость статей. Затем следует «Смесь», в которой помещены: «Простой случай», драматическая сцена И. Горбунова, и «Провинциальные типы» Ивановского-Елецкого. Обе эти вещи совершенно незначительны, но ⟨так⟩ как под ними стоят новые имена, то мы скажем о них по несколько слов. «Простой случай» — дагеротипный список с купеческого разговора — разговора не интересного, не характерного и не забавного. Под громким же заглавием «Провинциальные типы. Листки из записной книги светского человека. I. „Феденька“», напечатан пустой рассказ, наполненный дешевым глумлением над провинцией, которой сочинитель не знает, может быть потому, что не жил в ней, а вернее потому, что не в состоянии был бы узнать ее, если бы прожил в ней даже полстолетия. Ни тени дарования, наблюдательности, ума не встретите в этом типе. Но что всего хуже — это, так сказать, внутренний смысл повести. Герой ее — «Феденька», так называемая «широкая русская натура». Эту натуру, как многое, чем пробавляется теперь беллетристика, пустил в ход г. Тургенев своим «Каратаевым» (в рассказе того же названия). С той поры ее трепали, трепали и не перестают трепать, схватывая только внешние приемы и нисколько не понимая сущности характера, так верно подмеченного и художнически поставленного г. Тургеневым. Недавно еще мы встретили фразистое и надутое изображение Томилина (в повести «Поездка в деревню»), с его титанической страстью к цыганке; теперь нам дают «Феденьку». Что такое «Феденька»? Автор или «светский человек» приезжает на какой-то званный обед в провинции и жестоко отделяет с помощью своего ядовитого остроумия провинцию и провинциалов, делая на каждом шагу замечания в роде следующих:

«... На больших провинциальных обедах всегда приходится сожалеть о том, что подают суп на доньшке...»

«... Провинциальные барышни считают за стыд съесть кусок говядины».

Ничто и никто ему не нравится; между гостями он отличает только одного Феденьку, худенького мужчину, с волосами на половину седыми, в поношенном сюртуке, застегнутом доверху. Это и есть широкая натура: он пьет лихо, задорен в ссорах, говорит отрывисто и под конец повести, как водится, рассказывает свою историю, служащую, так сказать, пояснением его меланхолии, неприличия в поступках и страсти к спиртным напиткам.

⟨Далее опущены цитаты из повести «Феденька». — Р е д.⟩

Не говорим уже о пошлости содержания, о неверности языка, с точками после каждого слова (что делает печатную страницу похожею на то, как будто на нее просыпали горсть гороху), языка, которым никто не говорит, кроме зайк и сумасшедших; умалчивая о ничтожности рассказа вообще, скажем два слова о смысле его. Феденька, вступающий в брак, имея на шее сто тысяч долгу, которых нечем ему заплатить; Феденька, который, женившись, нимало не делается лучше, но продолжает пить, играть и ездить с собаками, забывая о жене, о детях — до такой степени, что когда ему однажды случилось счесть их и насчитать пять, он восклицает: от куда ова? Феденька, принимающий любовь и самоотвержение своей жены, как животный без мысли, без сознания, и в течение двадцати лет ни разу не подумавший о том, что ей это стоит? Наконец, Феденька, на которого не подействовала даже и смерть жены, будто бы бесконечно им любимой, — Феденька, продолжающий и по смерти жены, без всякой мысли о детях, так же точно пить и играть, как пил и играл при ней, — что такое этот Феденька, как не отъявленный неисправимый негодяй? Дайте такому человеку другую жену, он опять поступит точно так же... Кажется, ясно? и между тем все сочувствие повести на стороне Феденьки! «Светский человек», при его рассказе «растроганный и увлеченный, чуть было не бросился к нему на шею», и автор видимо разделяет увлечение своего светского человека. «Светский человек», наивно очарованный вместе с автором своим Феденькою, старается (конечно безуспешно) навязать свое сочувствие и читателю, восклицая в одном месте: «Читатель! полюбите как и я моего Феденьку!» Но читатель не ребенок: он, к счастью, знает, что думать о таких личностях и таких авторах. Если автор хотел подражать Тургеневу, то пусть бы он вспомнил, что тот же г. Тургенев, написавший «Каратаева», создал лицо Веретьева (в повести «Затишье»). Веретьев также натура широкая, но которой хватает только на мерзости, — и вот этот-то Веретьев мог бы пояснить автору, что такое его Феденька. Но, впрочем, оставим автора; он не мог сделать того, чего не сделал, ибо руководился в своем рассказе только желанием написать «тип», не имея способности ни понимать характеров, ни оценивать поступки людей. Нас более занимает вопрос, зачем напечатан этот вздор в дельном журнале? Неужели из пренебрежения к той отрасли литературы, которую называют «легкою»? В одном месте того же нумера «Отечественных Записок» сказано: «Кажется, число читателей, желающих чему-нибудь научиться, а не убивать время над пустейшими сказками и романами английскими и х ф а б р и к, и ныне немного увеличилось. Нам часто случилось видеть неразрезанными те страницы «Отечественных Записок», на которых помещены многие превосходные исторические и критические статьи» («Библиогр. Хрестоматия», стр. 6). Эти слова несколько странно читать в журнале, половина которого ежемесячно наполняется русскими повестями и (или — если хотите — сказками) и английскими романами. Неужели таков взгляд журнала на легкую литературу? Если таков, тогда, разумеется, все равно напечатать «Феденьку» или «Плотничью артель», — но едва ли он таков. Эта фраза, очевидно, дело опрометчивости, как и самое напечатание «Феденьки». Иначе мы не хотим думать. Можно и должно скорбеть, что дельные ученые статьи у нас не всеми разрезаются, но нет причины негодовать и огорчаться, что в журналах наших отдел словесности постоянно разрезан и, следовательно, прочтен. Это все-таки лучше, чем если бы оба отдела оставались неразрезанными. Довольно ограничиться заботою, чтоб читаемый отдел заслуживал прочтения, и посильным содействием, чтоб наука и искусство шли у нас рука в руку, помогая друг другу в деле общественного воспитания. Нельзя сказать даже, чтоб последнее время вовсе не представляло утешительных признаков в этом отношении; вспомним, что менее 15 лет назад тре-

бования читающей публики вполне удовлетворялись романами Дюма и Фудраса, которых на перебой переводили лучшие тогдашние журналы, как теперь Теккерея и Диккенса. От Дюма и Фудраса к Теккерей и Диккенсу, от Теккерей и Диккенса к русским туристам и ученым, владеющим искусством живого литературного изложения — к Боткину, Грановскому, Никитенко (которых произведения и самые имена столько же не чужды теперь массе публики, как произведения любимых ею беллетристов — Гончарова, Григоровича и Тургенева), — это все-таки движение вперед. И оно совершилось на наших глазах, в какие-нибудь пятнадцать лет, и сами же «Отечественные Записки» были едва ли не главного его причиною!

Вообще заслуги «Отечественных Записок» для русского общества так велики, что каждый читатель охотно простит этому журналу и не один такой промах, как помещение слабого или лишнего смысла рассказа, — но мы распространились о «Феденьке» не с намерением упрекнуть «Отечественные Записки». — Подобные явления, как бы они ничтожны ни были сами по себе, всегда будут обращать на себя наше внимание, если только они касаются, так сказать, нравственного значения литературы. И вот по какой причине. Мы уже имели случай заметить (в 8 № «Современника»), что литература наша в последнее время, при многих своих хороших сторонах, неприятно поражает своим всетерпящим равнодушием, апатией, неопределенностью в воззрении своем на такие явления действительности, о которых собственно не должно быть двух разноречивых мнений. Доказательств этому, к сожалению, слишком много. Станем ли оправдывать такие повести, которые, представив, например, в данных обстоятельствах любовь, принесенную в жертву расчету, малодушно отходя в сторону и предоставляя публике решить: хорошо это или худо и т. д.? А таких повестей теперь довольно, и мы выбрали еще самый нерезкий пример; но ограничимся им; его достаточно, чтоб нас поняли, — и спросим: достойна ли литературы подобная уклончивость? и к чему она? В обществе еще бывают обстоятельства, где вы принуждены подавать иногда руку человеку двусмысленному, назвать тот или другой факт не тем именем, которого он заслуживает, — в литературе не существует такого неудобства. Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных или сомнительных явлениях. Во что бы ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала, — идеала добра, света и истины! Иначе она потеряет все свое благотворительное влияние и придет к самым безотрадным результатам, потому что как бы много ни извиняла литература, оправдываясь, чем только можно в таких случаях оправдываться, общество всегда будет снисходительнее литературы к самому себе, и, таким образом, если б искусство, перестав служить истине единой и вечной, начало служить истине относительной, — идея добра и зла, нравственности и порока, смутно стала бы представляться... Какова бы ни была собственно русская литература и теперешняя ее деятельность, не забудем, что она во всей своей массе служит представительницею умственной жизни народа — и будем больше уважать ее, будем служить ей осмотрительнее! Не забудем, что все те, которые с университетской или с другой учебной скамейки унесли с собою в отдаленные и разнообразные пределы отечества большую или меньшую частицу любви к науке, к литературе, уважения и доверия к умственному труду, — все они следят за нашею деятельностью, ищут в ней разъяснения волнующих их вопросов, поддержки своим благородным убеждениям, оружия против невежества и закоснелости! И чем более дадим мы здоровой и плодотворной пищи их любознательности, их благородной жажде света и истины, тем прочнее и дольше удержат они в сердце своем любовь ко

всему доброму, справедливому и прекрасному любовь, так беспощадно охлаждаемую действительностью,— и тем благодетельнее будет, в свою очередь, их влияние на тот круг, в среде которого поставлены они судьбою действовать и морально первенствовать! Многое еще можно бы сказать о значении литераторов, литературы, журналистики, но довольно. Заклучим, чем начали: будем же осмотнительнее, как в том, что мы пишем, так и в том, что печатаем в наших журналах. Образование не забывает услуг, ему оказываемых, когда-нибудь нам скажут спасибо.

Как утешение, как подкрепление для каждого честного литератора на его тернистом пути,— мы можем предложить небольшую статейку г. Погодина, написанную им (№ 12 Москвитянина) по поводу «Нового издания сочинений Пушкина и Гоголя». Статейка не чужда обычных стран-

ПОХОРОНЫ КРЕСТЬЯНИНА

Картина маслом В. Г. Перова, 1865 г.

Третьяковская галлерея, Москва

ностей г. Погодина в манере и в слогe, даже иногда в мысли; но дело в деле, а не в форме, и не в отдельных мыслях, а в целом значении статьи:

«Здесь льется кровь, там губит огонь, везде падают храбрые, принимая на свою грудь смертоносные удары врагов отечества, сердца смущаются беспрестанно различными чувствами одно другого тягостнее, страх объемлет душу, чем кончится это Европейское Действие, которое открыло нам сначала такой блистательный, великолепный кругозор и обнялось впоследствии со всех сторон такими темными, непроницаемыми тучами... но вот объявлены в газетах сочинения Пушкина и Гоголя! Усталое внимание отвлекается невольно от ужасов войны к любезным страницам, перевортываются листы как будто сами собою, встают знакомые, милые образы, сменяются радующие взор картины, слышатся

сладостные, родные звуки! Мы забылися, унеслися в какую-то волшебную даль, нас вспырынуло, кажется, живою водою, на сердце стало легко и весело, тоска неизвестности исчезла, верится в добрый конец доброго начала, русское чувство торжествует...

«Удивительная сила поэзии! Удивительная сила таланта! Честь вам и слава и горячая благодарность отечества! воскликнул я недавно, обращаясь к мужественным защитникам Севастополя. Честь вам и слава и горячая благодарность отечества! воскликну я теперь, помяная наших славных витязей слова и мысли, являющихся перед нами вновь с заветными откровениями своей души.

«Не даром получили и они почетное место в русских летописях! Победа досталась им также приступом, с бою. Чего не испытали они при жизни! Сколько тяжелых камней брошено в их безответные могилы! Злое невежество старалось всеми силами опозорить их чистое имя, наложить свое черное клеймо на их достойную память, и пламенную их любовь, преданность к добру и порядку вменить чуть не в преступное злоумышление *.

«Да! тернистый путь вообще достался на земле поэту, художнику, ученому! Внутренние их бóрьбы тяжелее еще внешних ударов, которых пример сейчас мы показали. Люди светские, люди так называемые занятые, то-есть служащие дневи и злобе его, люди пресыщенные и упоенные не имеют понятия о тех нравственных терзаниях, которыми исполнена их жизнь, хоть иногда, сознаемся, и по собственной вине, составляющей горшее мучение. Толпа не может вообразить, чего стоит им часто одно выражение, которое она называет счастливым! С каким усилием вырывается из сердца звук, которым услаждается ее тонкий и взыскательный слух! Иной отшельник переживет в глубине уединенной кельи всю жизнь своего народа, испытает на себе все его болезни, перечувствует все скорби, — тяжело ему отыскивать в веках, по кровавым следам, пути его уклонений, и еще тяжелее видеть между ними прямую дорогу, усыпаемую притом цветами его послушного воображения. Какое отчаяние овладевает им по временам, когда он видит невозможность противодействовать злу! Счастлив еще, что такие минуты для него не пропадают даром, что действительный след их обнаружится непременно в его сочинениях и сделается неиссякаемым источником высших наслаждений для отдаленных потомков.

«Русская словесность особенно счастлива в этом отношении. Жизнь Кантемира, Ломоносова, Державина, Фон-Визина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя и других наших писателей, старого и нового времени, представляет много высоких явлений, кои, понятые и оцененные умною историею, воссияют ярко в венце русской славы, не уступая в блеске никаким другим государственным Заслугам и гражданским Доблестям, прежним и нынешним!

«Но к чему их сравнивать? Они все для нас равны, и все имеют одинаковое право на нашу благоговейную признательность, — в церкви и на престоле, в суде и на полчище, в избе и на кафедре, кто жизнью, кто смертью, кто годами, кто минутами, кто трудом, кто подвигом, кто постоянною службою. Пушкин нам за то

любезен,
Что чувства добрые он лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов он был полезен,
И милость к падшим призывал.

* Здесь разумеется множество журнальных и газетных статей и толков по поводу сочинений Пушкина и в особенности Гоголя. — Примеч. «Москвитянина».

«Нам дорог также Нахимов, десять месяцев ежеминутно живя умиравший и сраженный, наконец, роковою пулей в своем родном Севастополе. Мы не нарадуемся на Иннокентия ⁷, который поет, дондеже есть, возбуждает к деятельности за правое и святое дело, прославляет доблех, утешает скорбных, призывает к трудам усталых, ободряет робких, и на пажитях смерти, несмотря ни на какие опасности, спешит везде сеять глаголы живота своими красноречивыми устами. Незабвен для нас Гоголь, пламенно алкавший совершенствования и выставивший с такою любовью, верностью и силою наши заблуждения и злоупотребления, да видя содрогаемся и исправляемся. Поклонимся низко отцу Александру ⁸, совершающему молебное шествие по стенам Соловецкой обители, под градом пуль, ядер и картечий, — и храброму Хрулеву ⁹, схватывающему Брянскую роту для отражения неприятелей из занятого предместья...» и прочее...

Кем бы и как бы ни были изложены подобные мысли, им не может не сочувствовать каждый литератор, каждый истинно русский вообще! Прочитав эти строки, мы невольно задумались о судьбе Гоголя и вспомнили его же слова: «Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни?..» Тот же незабвенный покойник сказал: «Мир, как водоворот: движутся в нем вечно мнения и толки, но все перемалывает время, как шелуха слезает ложь и как твердые зерна остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженным строгим значением...» ¹⁰ Да!

Между современными литераторами нет Пушкиных и Гоголей, но настоящий факт не служит ли лучшим ручательством, что всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовью к отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению, не будет забыта. Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и таким образом время делает свое дело. «Бодрей же в путь!» Правдивое признание заслуг, честь и благодарность ожидают всякого совестливого труженика мысли. Но горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбию! Для них нет впереди света, не греет и не животворит их надежда лучшего будущего, это лучшее — час их обличения и позора! Стыд всем сплетничающим, клеветущим, барышничаящим, обращающим благородное оружие литератора — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей. Но о таких мы ни слова. Таких, к счастью, нет в нашей литературе...

Кроме приведенной статейки, в XII № «Москвитянина» мы обратили внимание на «Севастопольские письма» г. Б(ер)га.

«Далее опущена цитата из Берга — характеристика командующего южной армией, генерала Лидерса. — Р е д.»

Нам понравились еще небольшие стихи г. Б(ер)га, которые он сложил, проезжая (в начале нынешнего года) под Одессой мимо пустынного Черного моря, которое плещется у самых колес едущих.

О чем ты стонешь, сине море?
Что пасмурно твое чело?
Скажи ты мне, какое горе
В твоих пучинах залегло?

Ты плачешь, море, что не стало
Тебе знакомых кораблей,
Что смело реяли бывало
Одни среди твоих зыбей.

Не плачь, не плачь ты, сине море,
Глубоко вопли затаи:
Пройдет твое лихое горе,
Вернутся соколы твои!

Я видел страшные траншеи
И вал из камня и земли,
Где притаившись, словно змеи,
Рядами пушки залегли.

За ними — славы ратоборцы,
Стоят и хладно битвы ждут.
Твои питомцы — Черноморцы,
Им бой не в бой и труд не в труд!

Пускай придут; все это ляжет,
Отчизне жертвуя собой...
Кто ж будет жив, кто перескажет
Про этот день, про этот бой?..

Дуфиновка, деревня под Одессой,
1855, 28 февраля.

В этих стихах слышится живой голос, живое чувство очевидца, — вот отчего такая разница между ними и множеством стихотворений на ту же тему, сочиняемых в Москве, в Петербурге и во всех городах, где есть грамотные люди и откуда только ходит почта в редакции русских журналов.

В заключение скажем несколько слов о «Современнике», которого мы не считаем удобным исключать из нашего обзора, ибо думаем, что стремление наше отразить в очерках наших сколько-нибудь характер, направление, достоинства и недостатки настоящей русской литературы может быть достигнуто только в таком случае, если мы будем принимать в соображение и поставлять на вид читателю все стороны ее. У нас теперь четыре литературных журнала ¹¹ (некоторые насчитывают даже менее четырех); итак, если умалчивать о деятельности одного из этих, положим, четырех, очевидно, что цель не может быть достигнута. Притом, не странно ли: сегодня я могу говорить, например, о г. Григоровиче, потому что повесть его помещена в «Библиотеке для Чтения», а завтра уже не могу, потому что повесть его помещена в «Современнике»? Ведь я, как в том, так и в другом случае, не заставляю читателя верить мне, а представляю ему мое мнение, которое он волен принять или отвергнуть, согласно с своими понятиями. Такая уступка внешнему, так сказать, признаку беспристрастия — в сущности плохая гарантия искренности мнений журнала. Добросовестный журнал хвалит то или другое произведение не потому, что оно в нем напечатано, а печатает его потому, что оно достойно похвалы — вот наш взгляд, и в силу его мы будем говорить о «Современнике», — разумеется, коротко и только о самом замечательном в нем. Если же нам не удастся даже на столько внушить доверия к нашим мнениям, чтоб нас хоть не подозревали в подкупе, нам останется только смиренно передать перо другому. Впрочем, то, что мы имеем сказать на этот раз, — более относится к русской литературе вообще, чем к «Современнику».

Дельное, так сказать, практическое направление, принятое нашей литературой в последние пятнадцать или двадцать лет и состоящее в стремлении к изучению своего, национального ¹², — во всех его проявлениях и сословиях, почти не коснулось сословия военного. Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, — мы не имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир ¹³. Подобно г. Тургеневу, который девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров и постепенно поставил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия, — г. Л. Н.

Т<олстой> в своей «Рубке леса» представляет нам несколько типов русских солдат, типов, которые могут служить ключем к уразумению духа, понятий, привычек и вообще составных элементов военного сословия. Еще несколько таких очерков, и военный быт перестанет быть темною загадкою.

Мастерство рассказа, полное знание изображаемого быта, глубокая истина в понимании и представлении характеров, замечания, исполненные тонкого и проницательного ума — вот достоинства рассказа г. Л. Н. Т<олстого>, который, мы уверены, прочтут читатели «Современника» с живейшим удовольствием. Полагаем также, что чита-

РОДЫ В ПОЛЕ ВО ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Акварель П. П. Соколова, 1874 г.

Третьяковская галлерея, Москва

тели наши прочли не без интереса «Ночь весною в Севастополе», рассказ, так просто, верно и картинно передающий до мельчайших подробностей жизнь в осажденном городе...

Кстати, в нынешней книжке «Современника» читатели встретят рассказ «Восемь месяцев в плену у французов», который мы особенно рекомендуем их вниманию. Автор лицо новое: это — армейский солдат, уроженец Владимирской губернии, города Шуи, Таторский¹⁴. Под Альмою ему двумя пулями пробило руку, он попал в плен, был в Константинополе, был в Тулоне, потом возвращен уже без руки в Одессу, где и вздумал описать свои похождения (или, вернее, продиктовать). Рассказ его представляет несомненные признаки наблюдательности и юмора, словом: таланта... Даровита русская земля!

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Персонажи повести Григоровича «Школа гостеприимства» представляют собою портреты писателей — сотрудников «Современника». «Антипатии» автора сказались в различном характере этих комических портретов: тогда как писатели либерально-дворянского круга (Панаев, Тургенев) обрисованы в тонах легкой иронии, юмора, «дружеского шаржа», — представитель нового, демократического «Современника», Н. Г. Чернышевский, изображен, под именем Чернушкина, со злостью и издевательством. Это дает право рассматривать «Школу гостеприимства» как памфлет, направленный непосредственно против Чернышевского.

В ответ на отзыв Некрасова Григорович писал ему в ноябре 1855 г.: «Удивляюсь и радуюсь вместе с тем, что Вам не противна „Школа гостеприимства“; я даже просил Панаева не упоминать о ней, до того казалась она мне мерзкою: спросите у Дружинина, как я за нее пугался и как в ней сомневался» («Некрасовский сборник», П., 1918, 103).

Историю создания повести, возникшей из шуточной пьесы, игранной летом 1855 г. в имении Тургенева и первоначально имевшей иной характер, см. К. Ч у к о в с к и й, Люди и книги шестидесятых годов, Л., 1934, 5—9.

² Некрасов разделял характерное для западников преклонение перед Петром I; (ср., например, прославляющие его строки в поэме Некрасова 1857 г. «Несчастные»). По этому поводу Н. Г. Чернышевский в 1886 г. писал, подчеркивая свой отрицательный взгляд на Петра: «Некрасов сохранил о Петре то мнение, какое воспринял в кругу Белинского и Герцена. Имей я хоть маленькое влияние на его образ мыслей, он не мог бы писать о Петре то, что он писал; имей я хоть сколько-нибудь большее влияние, он писал бы тоном, прямо противоположным тому, каким писал» (заметки при чтении посмертного издания «Стихотворений Н. А. Некрасова», — «Современный Мир» 1911, кн. X, 166). Об отношении революционных демократов к Петру I см.: И. М о р о з о в, Н. Г. Чернышевский и вопрос о Петровских реформах. — «Литературное Наследство», М., 1936, № 25—26, 189—207.

³ Некрасов имеет в виду, между прочими, свой отзыв о Бенедиктове в рецензии на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии» («Современник» 1854, январь): «Удивительный поэт г. Бенедиктов! Непостижимое сочетание дарования (не подверженного ни малейшему сомнению) с невероятным отсутствием вкуса... и чем более будет проходить времени, тем более будут стихи г. Бенедиктова смешить читателей (а еще не более десяти лет тому назад, вспомните, нужно было доказывать, что они смешны); но к этому смеху невольно примешивается грустное чувство: у г. Бенедиктова есть талант, несомненный и прекрасный; ...И не прискорбно ли, что этот прекрасный талант пошел по ложному пути?..»

Сам Некрасов, в начале своего поэтического пути, находился под непосредственным воздействием поэзии Бенедиктова (прямые подражания Бенедиктову, отнесенные к юшешескому сборнику Некрасова «Мечты и звуки», учтены в статье К. А. Шимкевича. — Сб. «Поэтика», вып. V, Л., 1929). В середине 40-х годов, резко изменив характер своей поэзии и, видимо, утратив выступления Белинского против Бенедиктова, Некрасов начинает относиться к поэзии последнего с оттенком насмешки; ср. в его «Обыкновенной истории» (1845):

Лишь один Бенедиктов бы мог
Описать надлежащим размером
Эту легкость воздушную ног... и т. д.

Некрасов дважды упоминает Бенедиктова в своей известной статье о Тютчеве (1850); он указывает, что причиною «вычурности», которой отличались Марлинский и Бенедиктов, было «преимущество, отдаваемое форме в ущерб содержанию»; и утверждает, что никем в то время не замеченный Тютчев обнаружил «в десять раз более истинного таланта», чем прославленный Бенедиктов («Русские второстепенные поэты», — «Современник» 1850, № 1). Ср. еще отзыв, по поводу стих. Бенедиктова «К России», в «Заметках о журналах за ноябрь 1855 г.» («Современник» 1855, № 12): «г. Бенедиктов, когда захочет, может явиться истинным поэтом. без погремущек, без трескотни, сильным простотой и правдой, неразлучными спутниками поэзии» (см. ниже, стр. 264).

⁴ Этот пародический куплет, прибавленный Некрасовым к стихотворению Бенедиктова, послужил поводом для одного из полемических выпадов «Библиотеки для Чтения» против «Современника»: «Поищем, нет ли еще где-нибудь поэзии... — А, вот она, дорогая гостья! <следует комментируемое четверостишие>... Вот в чем заключается современная поэзия, по мнению „Современника“. ...После бараньей т р е б у х и, так удачно уложившейся в стих, странно было бы искать высшей поэзии в стихах журнала чисто литературного...» («Библиотека для Чтения» 1855, ноябрь).

⁵ Некрасов не возвратился к подробному разбору «Плотничьей артели», ограничившись сдержанным отзывом в настоящей статье. О его отрицательном отношении к повести Писемского см. в настоящем томе, в статье А. Л а в р е ц к о г о.

⁶ Некрасов воспользовался для выпада против «Отечественных Записок» (нелитературность и «ученость» которых постоянно подчеркивалась в полемике «Современника») рецензией узко специального характера на «Ученые записки Академии Наук» («Отеч. Записки» 1855, октябрь, библиография).

⁷ И н н о к е н т и й (1768—1855) — флотский священник, во время бомбардировки Свеаборга (в июне 1855 г.) служивший молебн на палубе военного корабля «Россия».

⁸ О т е ц А л е к с а н д р (Андроник) Павлович (ум. в 1874 г.) — архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря, отказавшийся сдать его двум военным английским кораблям (в июне 1854 г.) и организовавший его оборону.

⁹ С. А. Х р у л ь в (1807—1870) — генерал, известный храбрими вылазками во время обороны Севастополя (1855).

¹⁰ Приводимые цитаты заимствованы из «Театрального разезда после представления новой комедии» Гоголя (заключительный монолог автора).

¹¹ «Современник», «Отечественные Записки», «Библиотека для Чтения», «Москвитянин».

¹² Некрасов, связанный цензурными условиями, лишь в письмах расшифровывает существо этого «дельного направления»: «Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, — пишет Некрасов Толстому 2 сентября 1855 г., — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. ... Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое. О том же Некрасов писал Тургеневу 18 августа 1855 г.: «Эта статья <«Севастополь в мае». — А. М.» исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать». Повесть все же была напечатана, однако, действительно, сильно пострадала от цензуры (ср. письмо И. И. Панаева Толстому. — П. Б и р ю к о в, «Биография Льва Николаевича Толстого», М.—П., 1928, I, 116, а также слова Некрасова в цитированном выше письме: «Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья, испортило мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства»).

¹³ О том же Некрасов писал самому Толстому: «Не пренебрегайте подобными очерками: о солдате ведь наша литература доныне ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы все, что знаете об этом предмете, — все это будет в высшей степени интересно и полезно» (2 сентября 1855 г.). а также Тургеневу: «Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то-есть вещь доныне небывалая в русской литературе».

¹⁴ Т а т о р с к и й — солдат, устные рассказы которого были обработаны Н. П. Сокольским, впоследствии напечатанным «Современные рассказы из военной жизни русских солдат», СПб., 1856. Некрасов писал Тургеневу 17 сентября 1855 г.: «На днях приходил ко мне знакомый юноша — из Одессы — с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненых, беспрестанно привозимых в Одессу. — В числе этих рассказов один оказался удивительный. Юноша-то бездарен (что видно по другим рассказам), но солдат (Таторский по фамилии), рассказавший ему о своем восьмимесячном плене у французов (после Альмы), должно быть, человек с большим талантом — наблюдательность, юмор, меткость — и бездна р у с с к о г о. Я в восторге».

Критика сочувственно отнеслась к этим рассказам, воспринимая их в одном ряду с севастопольскими повестями Л. Толстого и усматривая в них и в других совершенно особый новый жанр. Ср., например, отзыв Вл. Зотова в «С.-Петербургских Ведомостях» 26 января 1856 г., № 21.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ОКТЯБРЬ 1855 года

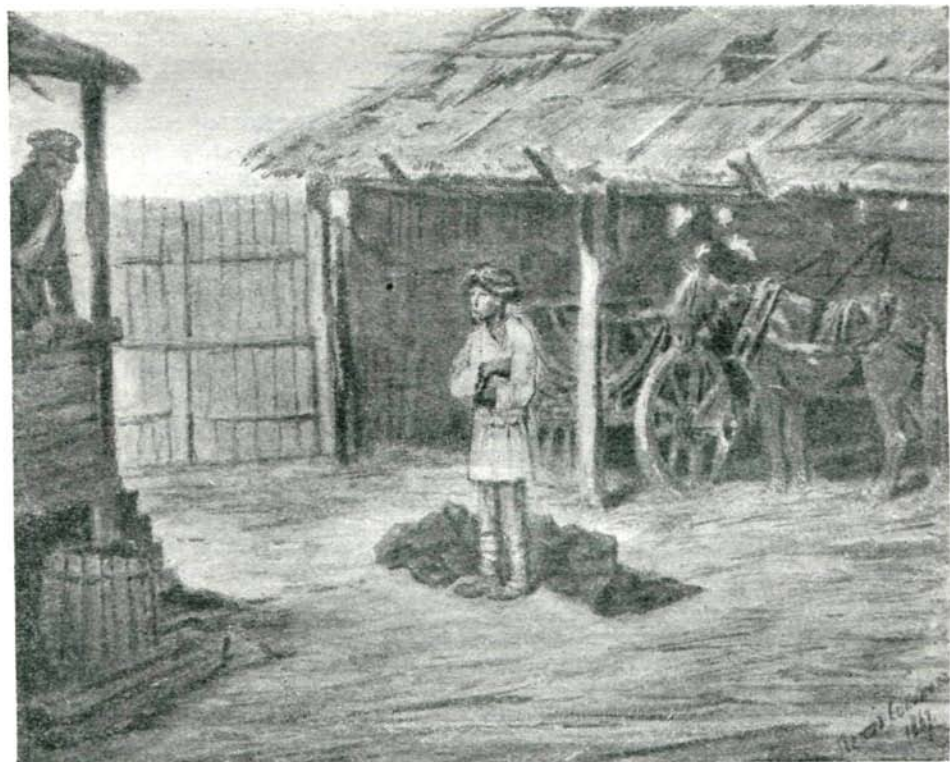
Читатель, в то время, как Россия оплакивает столько героев, со славой погибающих за отечество на войне, ей приходится оплакать еще потерю скорбную и, может быть, не заменимую. Наша юная наука, наша литература также имеют своих героев, людей бескорыстно и доблестно служащих делу просвещения; людей, свято хранящих в сердцах своих благородный огонь лучших человеческих верований, стремлений и подвигов; неустрашимо и самоотверженно проносящих этот святой огонь под дуновением временных бурь и неблагоприятных случайностей; людей, которым скромная доля ученого, награждаемого сочувствием истинных ценителей просвещения, обольстительнее всех других поприщ, где их дарования, их деятельность могли бы открыть широкий простор их личному честолюбию и своекорыстию. К числу таких людей, которых мы, подражая Карлейлю, можем назвать, без преувеличения, героями, принадлежал недавно скончавшийся Т. Н. Грановский¹. Это был один из самых даровитых и богатых знанием ученых, это был профессор, к которому любовь его слушателей доходила до восторженного благоговения, наконец, это

был человек, в котором сила и чистота убеждений, возвышенное благородство мыслей, чудная прелесть богато одаренной и широко развитой личности — соединялись в прекрасное целое, благодатно полное, неотразимо обаятельное! Да, по нашему мнению, что-то цельное, что-то полное — больше, чем всякая другая русская личность — представлял собою Грановский. На нем лежала печать спокойной силы, которая должна была сказаться и сказывалась, — не тратясь в колебаниях, в исканиях, — сказывалась не напряженно, но уверенно и легко. Так великая река катится по своему направлению, совершая несуетливо и важно свой непреложный, неизменный ход. Настоящим признанием Грановского была кафедра, и каков он был на кафедре — это, к счастью, знают и не забудут многие и многие русские люди. Писал он мало, и хотя сочинения его представляют несомненные достоинства, но бледно будет понятие о Грановском того, кто вздумает судить о нем по одним его сочинениям. Каков он был, наконец, в беседе, на этой третей и самой обширной своей кафедре, — об этом вообще трудно говорить, но еще труднее говорить теперь, когда рана, нанесенная смертью любимого человека, еще слишком свежа в сердце каждого, кто знал Грановского. Мы его знали, мы его любили... Вызвать из души своей ряд воспоминаний, быть может, лучших в нашей жизни — душою которых был он, — мы теперь не имеем силы...

Самым замечательным, самым живым, что произвела русская литература прошлого месяца, было несколько горячих, искренних страниц, вызванных смертью Грановского. Первое место здесь принадлежит небольшой статье г. Каткова (в «Московских Ведомостях» от 6-го октября), в которой горячо, сильно и глубоко сказалось сожаление о потере прекрасного и полезного человека. В ней есть счастливо уловленные черты, которые могут дать понятие о личности Грановского тому, кто не знал его (мы их подчеркиваем). «Кто знал покойного, — говорит г. Катков, — тот поймет всю силу этой потери, всю глубину нашей скорби. Смерть похитила его в цвете сил, посреди поприща, на котором он так прекрасно, так благотворно, так славно действовал! Он унес с собою столько сокровищ, — это обаяние избранной природы, эту ясность и юность духа, эту чистоту убеждений, эту возвышенность помыслов, этот дар возбуждения, эту чарующую прелесть слова! В многочисленных слушателях Тимофея Николаевича, рассеянных во всей России, скорбно отзовется эта весть. Все они хранят в себе прекрасный образ своего наставника и высокую поэзию его уроков. Московское общество стекалось на публичные его лекции и помнит эти минуты умственных наслаждений, помнит это лицо, столь выразительное, запечатленное думою, и этот тихий, глубокий, проникавший в душу голос, и эту речь, столь оживленную, столь изящную. Он был создан для своей науки. Его обширная, изумительная память сохраняла все подробности событий; он владел необыкновенным даром воссоздавать их для созерцания; мысль его всегда была согрета нравственным убеждением, которое и сообщало такую прелесть его слову. Чудные образы вставали перед слушателями из исторических могил, с своими заветными думами, с своею скорбью, с своим торжеством. Нередко два-три магические слова вызывали великую историческую тень и оживляли далекую эпоху. Как историк, он, в созерцании человеческих дел, преимущественно одушевлялся идеалами нравственной красоты и видел в своей науке могущественное средство для воспитания нравственного чувства. Он был исполнен любви; мысль его была рыцарски-великодушна...».

Все это справедливо и прекрасно. Удивительно тепла и трогательна статья: «Два слова ученика о наставнике», написанная одним из слушателей покойного профессора, студентом (в № 122 «Московских Ведомостей»); любовью дышит в ней каждое слово; счастливых выражений, характеризующих личность Грановского, в ней также много (мы опять их подчеркиваем): «Так, должно примириться с мыслью: нет Т. Н. Грановского! знавшие его уже не найдут его в своем кругу; а мы, его слушатели, более не увидим нашего благодушного наставника, входящего своею тихою поступью в аудиторию, с добрым взором, с выражением спокойной думы на лице; не услышим более его симпатического голоса. Не сухую науку передавал он; его учение было проникнуто духом живой истины, которая везде одна, что в науке, что в жизни. Та же благородная душа, тот же гуманный характер, та же безоблачность взгляда, те же прекрасные порывы, которыми отличался покойник в жизни, глубоко чувствовались в чтении его».

«Ученики чтили его как наставника, любили как человека. В его образе для них пленительно слилось значение избранного служителя науки с значением человека, которому доступно было все человеческое, который правду своей науки вносит невотмеренную рамку часовых уроков, новую самую жизнь свою, так что она слышалась у него во всех его словах и действиях».

НЕДОИМЩИК

Акварель П. П. Соколова, 1867 г.
Русский музей, Ленинград

«При громадной учености, он был совершенно чужд педантизма; он отличался готовностью с одинаким участием выслушивать возражения от равного себе и низшего; он приобретал себе уважение и славу безовсякого со своей стороны домогательства.

«Мир его праху. Пусть же всякий из нас оценит всю важность потери, которая так неожиданно нас поразила, — и пусть имя Грановского на веки останется в нашем университете одним из лучших его преданий, одним из лучших его залогов.

7-е октября 1855 г.

Студент»

Наконец, в том же 122 № «Московских Ведомостей» есть еще небольшая статья, в которой развивается весьма справедливая мысль о значении Грановского как человека общественного.

В заключение выразим здесь наше искреннее желание, чтоб публика не долго пришлось ждать издания сочинений Грановского. Хотя Грановский как профессор, как человек общественный далеко оставлял за собою Грановского-писателя, но сочинения его представляют достоинства перво-классные. Одна уже их живая, художнически-прекрасная форма, при строго-ученом содержании, сообщает им весьма важное значение. Издания сочинений Грановского, с его биографией, портретом, с приложением всего замечательного, вызванного его смертью, — вот чего ждем теперь мы, ждет вся публика от друзей покойного, между которыми есть люди, глубоко его любившие, которые при жизни готовы были многим для него жертвовать...

Переходим к октябрьским журналам. Здесь прежде всего наткнулись мы на любезное нам имя г. Фета и — такова сила поэзии! — тяжелое, скорбное чувство, под влиянием которого писали мы предыдущие строки, смягчилось, при воспоминании одного чудного стихотворения, которое нам всегда приходит в голову неразрывно с именем г. Фета. Мы вспомнили «Диану». Выписываем ее здесь, чтоб не слишком резко перейти и окунуться в омут журнальной ежедневности.

ДИАНА

Богини девственной округлые чérты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами,
С продолговатыми, бесцветными очами;
Высоко поднялось упругое чело —
Его недвижностью внимание облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Зефир вечеровой между листов проник —
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад.
На стогны длинные! Но мрамор недвижимой
Белел передо мной красой непостижимой².

Всякая похвала не имеет перед высокой поэзией этого стихотворения, так освежительно действующего на душу; мы искренно пожалели, что г. Фет, которому природа дала лучший из даров своих — дар поэзии, — который так мастерски, так художественно-пластично умеет описывать «Диану», вздумал описывать Марию Ивановну и тому подобные личности (см. № X «Отечественных Записок», повесть «Дядюшка и двоюродный братец»). Попытка совершенно не удалась, чему мы, признаемся, душев-

но рады; авось вторая неудача охладит г. Фета к прозе и возвратит его к настоящему его делу — к стихам.

За повестью г. Фета следуют в «Отечественных Записках» путевые заметки г. Гончарова о «Манилле». Нужно ли говорить, что статья прекрасна, отличается живостью и красотой изложения, свежестью содержания и той художнической умеренностью красок, которая составляет особенность описаний г. Гончарова, не выставляя ничего слишком резко, но в целом передавая предмет со всею верностью, мягкостью и разнообразием тонов? Не далее как в прошлом номере нашего журнала помещена статья г. Гончарова «От Мыса Доброй Надежды до Явы»; статья не велика, но уже по ней могут судить читатели, как увлекательно рассказывает романист-путешественник свои впечатления.

За «Маниллой» помещено начало романа Гаклендера³ «Европейские негры». Перевод немецкого романа в настоящей нашей литературе — такое редкое явление, что его невозможно пройти молчалим. Мы прочли первую часть и не можем поздравить журнал с особенно счастливым приобретением. Скука, бесцветность, сентенции столько же благонамеренные, сколько и лишенные жизни, холод и отсутствие малейших проблем поэзии — вот характеристические свойства романа.

«Далее опущено изложение романа Гаклендера и цитаты из него. — Р е д.»

Нет, недаром вся Европа признала, что легкая литература Германии переживает период упадка, что черпать из нее нечего. В политических романах Гуцкова есть хоть то достоинство, что они характеризуют настоящее состояние Германии, — у Гаклендера не нашли мы покуда и этого. Недавно у нас в журналах пошли толки, что английские романы надоели; что переводить все с английского, да с английского, все Теккерея и Диккенса — наконец скучно и однообразно... Конечно, относительно «Редклифских Наследников»⁴, «Окурока Ветчины»⁵ и тому подобных, пожалуй, и так, — но что касается Теккерея и Диккенса, то не худо помнить, что это лучшие е в р о п е й с к и е таланты нашего времени; что однообразие при постоянном печатании их произведений существует только для читателей, не идущих далее оглавления журнальных книжек, и что во всяком случае поправить дело печатанием плохих немецких романов едва ли можно. Очень однообразная вещь печь хлеб все из муки да из муки; он даже не всегда и удается, — однакож никому не приходит в голову начать печь его из песка. Никакая реформа в литературе, даже самая незначительная, не совершается насильственно, по капризу, для разнообразия; все приходит своим чередом, по своим законам, корень которых в действительности; упадок французской литературы и в то же время блестящее развитие английской — привели русскую литературу к необходимости знакомить своих читателей с писателями Англии; может быть, очередь дойдет и до Германии...

Лучшее в романе Гаклендера — его заглавие, но оно слишком широко... Мы возвратимся к роману Гаклендера, при его продолжении, если окажется нужным.

«Далее опущена страница о «Дневнике чиновника» Жихарева — совет «Отечественным Запискам» прекратить печатание его или печатать с большими сокращениями. — Р е д.»

Новое издание «Сочинений Гоголя» и пяти глав II тома «Мертвых Душ» начинает вызывать толки о Гоголе, к сожалению, довольно бледные или односторонние, не представляющие ничего целого. Октябрь месяц дал две статьи о Гоголе, — одну в «Библ. для Чтения», другую в «Отечественных Записках».

Насколько незначительна статья г. Р-ва, в «Библиотеке для Чтения», не заключающая в себе ничего, кроме благородного, но вполне неудавше-

гося желания сказать что-то о Гоголе хорошее и новое, настолько же любопытна статья г. Писемского по поводу второго тома «Мертвых Душ». Прежде всего, однакож, нужно сказать, что эта статья не имеет ничего общего с тем, что разумеют под словом к р и т и к а. Если вы захотите искать в ней проникающего и всестороннего проникновения в сущность поэзии Гоголя, то она вам не даст ничего или почти ничего, с этой стороны следует подступать к ней даже с осторожностью и оглядкой; но в ней вы найдете несколько, так сказать, ч а с т н ы х замечок о Гоголе, замечок верных, метких и если не всегда новых, то хорошо сказанных. К таким относим мы все, что говорит автор о Тентетникове, о Костанжогло, о генерале Бегрищеве, в особенности о Хлобуеве. Но взгляд автора на Гоголя вообще не глубок и односторонен, вследствие чего значение Гоголя, его деятельность, самое его влияние — все под пером г. Писемского, так сказать, сужено (конечно, без намерения: г. Писемский жаркий поклонник Гоголя и не без основания называет себя учеником его). Он мерит Гоголя на довольно обыкновенную мерку и приходит иногда к странным выводам. Так, он почти вовсе отказывает Гоголю в лиризме (подумал ли критик, на какое бедное значение низводит он одним словом великого писателя, и как бы это было прискорбно, если б было справедливо?) Это делает он на основании двух-трех неудачных лирических отступлений в первом томе «Мертвых Душ». Но почему же г. Писемский позабыл «Невский проспект», позабыл «Разъезд», в котором найдем чудные лирические страницы, позабыл «Старосветских помещиков», чудную картину, всю, с первой до последней страницы, проникнутую поэзией, лиризмом? Ах, г. Писемский! Да в самом Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, в мокрых галках, сидящих на заборе — есть поэзия, лиризм. Это-то и есть настоящая, великая сила Гоголя. Все неотразимое влияние его творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно-слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни — с прозой, — характер, и притом такой русский характер! Что без этого были бы его книги! Они были бы только книгами — лучше многих других книг, но все-таки книгами. Гоголь неоспоримо представляет нечто совершенно новое среди личностей, обладающих силою творчества, нечто такое, чего невозможно подвести ни под какие теории, выработанные на основании произведений, данных другими поэтами. И основы суждения о нем должны быть новые. Наша земля не оскудевает талантами — может быть, явится писатель, который истолкует нам Гоголя, а до тех пор будем делать частные заметки на отдельные лица его произведений и ждать — это полезнее и скромнее. Что до нас, то мы всегда принадлежали и надеемся впредь принадлежать к тем, которые, по словам г. Писемского, питали п о л н у ю в е р у в л и р и з м Г о г о л я, и думаем, что в России много найдется людей, думающих одинаково с нами. Напрасно г. Писемский ссылается на «горячего, с тонким чутьем, критика»⁶, который будто бы, по п р е и м у щ е с т в у, открыл в Гоголе социально-сатирическое значение. Критик, о котором говорит г. Писемский, выше всего ценил в Гоголе — Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писемский называет социально-сатирическим. Вспомним, что самое слово п о э т в применении к писателю-прозаику начало на Руси появляться в первый раз в статьях этого критика по поводу Гоголя. А до него у нас думали, что поэтами называют только людей, пишущих стихи.

Нельзя согласиться также и с некоторыми частными замечаниями г. Писемского о второй части «Мертвых Душ». Так нам кажется и неверно, и неуместно по тону замечание его о Кошкареве, которого г. Писемский называет карикатурой: «А чтоб придать ему (продолжает он) хоть сколько-нибудь человеческую форму, автор называет

его с у м а с ш е д ш и м. Лицо это совершенно не удалось, и в создании его вы решительно не узнаете не только юмориста, но даже сатирика, даже пасквилиста, и оно мне совершенно напоминает изображения Европы, Азии, Африки, Америки в виде мифологических женщин, как будто страна, хоть, например, Азия, может быть остроумно и понятно изображена в фигуре женщины, с черными волосами, с огненными глазами и, пожалуй, с skin-жалом в руке...» (стр. 71). Это описание лубочной картинки и красноречивое осмеяние ее, несмотря на всю тонкость свою, едва ли найдет себе сочувственников

ОФЕНЯ-КОРОБЕЙНИК

Картина маслом Н. А. Кошелева, 1865 г.

Третьяковская галлерей, Москва

в применении к одному из лиц, выведенных Гоголем. Что Кошкарёв, как многое во втором томе «Мертвых Душ», нуждается в окончательной отделке, что он может быть даже нуждается в ней более, чем другие лица — с этим согласится всякий, но страсть возводить свое частное хозяйство на ступень административного учреждения, откуда, как ручьи в широкий бассейн, все притекало бы к личности хозяина, усилие поправить недостаток порядка не отвержением системы, а расширением тех же мер, самое помрачение Кошкарёва на этой идее (мы сомневаемся в его полном сумасшествии и, во всяком случае, не думаем, чтоб Гоголь мог взять сумасшествие, это античеловеческое состояние, для придания Кошкарёву человеческой формы), — все это задатки такого характера, который даже и в первоначальном, слабом очерке никак не дает нам права на сравнение его с лубочными картинками, украшающими комнаты станционных смотрителей. Еще менее верен, по нашему мнению, укор г. Писемского

Гоголю за анекдот о черненьких и беленьких, осуждаемый критиком как неудачный и лишенный значения. Следовало бы, — говорит он, — взять более резкий и типический случай, которых много ходит в устных рассказах. Это решительное: следовало бы замечательно в устах начинающего писателя, который сам называет себя поклонником и учеником Гоголя. Очевидно, что здесь г. Писемский, как писатель не без таланта, увлекся мыслью о том, как сам бы он выполнил эту сцену — и пришел к убеждению, что он выполнил бы ее лучше. Только следствием такого убеждения мог быть приговор столь решительный и откровенный, и только поэтому читатель встречает его без улыбки. Лучше ли бы выполнил эту сцену г. Писемский — это вопрос, но в суждениях наших о недостатках и ошибках Гоголя не забудем, что он был не только художник, но и проницательный, строгий критик своих произведений. Не забудем также, что анекдот о «черненьких и беленьких» обошел всю Россию прежде, чем вторая часть «Мертвых Душ» явилась в печати, возбуждая всюду смех, тысячи забавных применений и служа коротким и резким определением множества однородных с ним фактов: значение, которому суждено долго за ним оставаться. Это ли доказательство, что анекдот выбран неудачно? Нет, мы сомневаемся, чтоб кем-либо мог быть выбран пример с большею меткостью и вместе умеренностью, обличающею такт истинного художника. Правда, много ходит устных рассказов, и Гоголь, конечно, знал их не менее каждого из нас. Но многие ли удостоились чести целиком попасть в его сочинения?

Нечто родственное с замечанием, о котором мы сейчас говорили, и — так сказать — поясняющее его, слышится нам в следующей фразе г. Писемского, ведущей впрочем к весьма дельной заметке о Костанжогло: «Зная отчасти Россию и вглядываясь внимательно...» и проч. Зачем вы говорите нам о вашем знании России, когда вызвали нас послушать о Гоголе? Это невыгодно для вас.

Еще одно замечание, может быть, незначительное, но когда речь идет о таком писателе, как Гоголь, то лучше сказать лишнее, чем не договорить. Нам не понравилось, что г. Писемский прилагает к Гоголю слово «п а с к в и л и с т», — то-есть мы не думаем, чтоб подобным названием он оскорблял его память — замечание, которое сделал об нас один критик по поводу подобного обстоятельства, — * но мы думаем, что оно совершенно нейдет к Гоголю. Под словом «пасквиль», «памфлет», в самом лучшем их значении, разумеется сатира односторонняя, носящая на себе горячий след страстей и увлечений времени, ее породившего, не оббегающая решительных приговоров о лицах, еще действующих, о событиях, еще не успевших определиться. Ничего подобного не найдете в сочинениях Гоголя. Можно наверное сказать, что во всей России ни один человек не

* В «Москвитянине» № 13 или 14 г. А. Григорьев объявляет с укором, что «Современник» позорит память Пушкина, перепечатывая пасквили на него, — на том основании, что мы, говоря об отношениях к Пушкину критики его времени, перепечатали, между прочим, пародию на Пушкина из «Телеграфа»⁷. Этот упрек можно только объяснить следующими словами г-на же Григорьева: «Признаемся — говорит он в своей статье — мы с злобной радостью следили за промахами современной критики». В злобе редко человек сохраняет здравый смысл и способность видеть вещи такими, каковы они есть. Не г-ну Григорьеву учить нас любить и чтить память Пушкина, не г-ну Григорьеву, который, вступаясь за память одного покойника, не нуждающегося ни в чьей защите, в то же время покрывает осуждением другого, нуждающегося если не в защите, то в полном признании своих заслуг⁸, — и с каким спокойствием делает это г. Григорьев, знающий твердо, что те, которые бы хотели вступить за того, на кого он нападает, не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия! Это лишило нас всякой охоты говорить подробнее о статье г. Григорьева и входить с ней в какие-либо прения, чего она заслуживает по некоторым дельным и метким замечаниям, рассеянными в ней на ряду с бессмыслицами и комическим самохвалством.

найдет, чем обидеться л и ч н о во всех его сочинениях, чего нельзя сказать о последнем фельетонисте с покушением на остроумие по поводу промокших сапогов пешехода. Чем дарование слабее, тем легче и неизбежнее пасквиль закрадывается в произведение; но он и н а с к о л ь к о не входит в творчество — или перестает быть пасквилом. Гоголь был юмористом в самом высоком и чистом значении слова, со всем спокойствием и беспристрастием художника, возводящего явления жизни в перл создания. Это выражение, столь часто, но не всегда удачно повторяемое, в приложениях к его произведениям имеет полный и прекрасный смысл.

В заключение мы должны повторить, что статья г. Писемского все-таки приятное явление среди фельетонной мелкоты, на степень которой низшла современная критика.

При малочисленности специальных изданий, наши литературные журналы по необходимости должны иногда отдавать несколько своих листов каким-нибудь важным историческим материалам. Положим, что это дело, собственно говоря, чуждое журналу, издающемуся не для одних ученых, а для всей публики, требующей от журнала не «Собрания грамот и актов», а статей, удобных для чтения. Но журналы могут отвечать в подобных случаях: «если этот материал не будет напечатан у нас, то он останется вовсе ненапечатанным» — и против такого ответа нечего сказать при том условии, что материал, о котором идет дело, важен для истории и не был еще известен публике. Но какая необходимость помещать в журнале статью, которая состоит из утомительных перепечаток и нimalo не важных выписок? Такова именно статья г. Д. Р-ого, «Академия Художеств до времени императрицы Екатерины II» («Отеч. Зап.», № X).

⟨Далее опущены отзывы как об этой статье, принадлежащей Д. Ровинскому, так и о статье П. П. Семенова «Гольфштром». — Р е д.⟩

В «Москвитянине» № 13 и 14 (одна книжка) помещено продолжение «Севастопольских Писем» г. Б(ер)га. В них, как и в предыдущих, попадают места интересные. Жаль только, что г. Б(ер)г в них, так сказать, распахнулся (а это не для всякого писателя выгодно), дал полную волю своему перу и к делу начал примешивать безделье такого рода:

Все как прежде в Севастополе...
 Были вылазки на-днях —
 Много нехристей ухлопали
 В их же бадках и во рвах.
 Ходят ялики и ботики
 К Графской пристани... а я
 Так же роксь в Библиотеке,
 Хоть от бомб там нет житья... и пр.

Сколько необходимо и можно сохранение даже самых мелких подробностей обороны Севастополя, столько же не нужно сохранение подобных виршей, в которых не только нет ничего хорошего, но даже есть нечто неприятное, в особенности бестактное.

В «Москвитянине» нашли мы еще стихотворение «Цветок на могилу незабвенного К. Н. Батюшкова». Плохое. Не стихи нужны бы теперь о Батюшкове, а дельная его биография, но дождемся ли мы ее? Неизвестно.

⟨Далее опущен отзыв об «Очерке жизни и трудов князя П. А. Ширинского-Шихматова». — Р е д.⟩

В X № «Библиотеки для Чтения» особенно понравился нам небольшой очерк г. Яновского «Кушник», переносающий нас в безлюдье глубокого севера, в самую глушь Архангельской губернии. Не дурен также очерк г. Максимова «Нижегородская Ярмонка». Хорошо переведены г. Крешевым две «Оды» Горация: 1) «Помпею» и 2) «Слуге».

Мы искренно желали бы сказать что-нибудь хорошее о стихотворении г. Никитина «Неудачная присуха», но хорошего ничего сказать не можем.

Г. Никитин не без дарования, но он лишен чувства меры, не богат вкусом и не выдерживает народного тона своих стихотворений⁹ — недостатки, портящие почти каждую его пьесу. И в «Присухе» есть удачные стихи, именно все, что относится к описанию глупого деревенского парня:

Лицо некрасиво,
На вид простоват,
Но сложен на диво
От плеч и до пят...
.....
И с радости дома
Так парень мой спал,
Что бури и грома
Всю ночь не слышал.
.....
На крепкие руки
Прижав головой,
Колотит от скуки
Об лавку ногой —
И вдруг повернулся,
Плечо почесал,
Зевнул, потянулся
И громко сказал...

Но все остальное в стихотворении, кроме выписанных нами строк, слабо, бесцветно и очень растянуто.

В «Современнике», № X, мы не считаем лишним указать на статью Карлейля «О героях и героическом в Истории». Так как она принадлежит писателю с европейской известностью, то мы можем ее хвалить сколько душе угодно, не опасаясь никаких подозрений. Но хвалить Карлейля — дело лишнее. Это один из самых знаменитых людей нашего времени. Только на Руси он почти не был известен. И мы не можем достаточно возблагодарить В. П. Боткина, который взял на себя труд познакомить русскую публику с гениальным мыслителем. Подобный труд не мог бы быть выполнен обыкновенным переводчиком: нужно проникнуться любовью к писателю, сочувствием к его воззрению на жизнь и природу, нужно сверх того самому иметь талант, чтоб передать на другой язык эту оригинальную, увлекательную прозу, так не похожую на обыкновенный литературный язык, — прозу, приближающуюся к поэзии более, чем множество стихотворных произведений. Сила и глубина мысли, при лирической стремительности, картинности выражения, — вот достоинства Карлейля в подлиннике; они перешли и в перевод. К этому мы еще можем прибавить, что есть вещи, которые мало прочесть один раз: часто только при вторичном чтении раскрываются читателю их лучшие стороны. Статья Карлейля принадлежит к таким вещам.

В нынешнем XI № «Современника» попросим читателей обратить внимание на рассказ г. Окова и на стихотворение г. Гранкина. Но не считаем нужным указывать на статьи г. г. Боткина и Дружинина и еще менее на повесть г. Тургенева¹⁰. Что касается до г. Тургенева, то для славы ему недостает только одного, чтоб явился какой-нибудь ожесточенный гонитель его произведений, разобрал бы их по косточкам и доказал бы до очевидности ясно, что они никуда не годятся. Но что прикажете делать! Нет и нет такого человека! Точно так, как нет и такого, который написал бы о них дельную статью, раскрыв, почему он так им сочувствует, и доказав, что сочувствие это вполне справедливо. — Критика в апатии... Впрочем, что касается до брани, то не забудем, что г. Тургеневу доставалось достаточно в первое время его поприща. У всякого писателя своя судьба. Иного бранят с начала поприща, иного посередине, иного при конце; редко, но бывают и такие счастливы, которых бранят и сначала, и посередине, и при конце.

Заклучим наши заметки литературной новостью. Недавно г. Тургенев окончил и отдал уже нам новую свою повесть, под названием «Рудин». По объему это целый роман, а по содержанию, как последнее произведение таланта развивающегося, новая повесть г. Тургенева представляет и новые достоинства. «Современник» считает себя счастливым, что может начать свой следующий год таким произведением...

«Современник» 1855, № 11, 71—87; без подписи

РУБКА ЛЕСА

Картина маслом И. И. Шишкина, 1867 г.

Третьяковская галерея, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. Н. Грановский, близкий в середине 40-х годов к Белинскому, Герцену, Огареву, занимал более умеренную позицию; поворот Герцена влево, от либерализма к социализму, не коснулся Грановского и привел к разрыву между ними.

Отношения Грановского и кружка «Современника» не были особенно близкими даже при жизни Белинского; Грановский был склонен в равной мере поддерживать «Отеч. Записки» Краевского, стремился помирить оба конкурирующих журнала, а к самим Панаеву и Некрасову относился сдержанно, порою враждебно (ср. «Т. Н. Грановский и его переписка», II, 276, 431, 468). Однако, каковы бы ни были непосредственные личные отношения, Грановский был для литераторов круга «Современника» одним из наиболее крупных, уважаемых и любимых общественных деятелей. Его неожиданная смерть ощущалась ими как большое несчастье, как тяжелый урон для просвещения и общества.

² Выбор этого стихотворения (впервые напечатанного еще в «Стихотворениях» А. Фета М., 1850) очень характерен для того несколько рационалистического понимания Фета, при котором наивысшую оценку получали его «антологические», «пластические» стихотворения и не принимались в расчет, откидывались, как «непонятные», все наиболее впечатляющие элементы его творчества, составлявшие все его своеобразие. Таким образом, Фет воспринимался, в сущности, вне его индивидуальной поэтики, в одном ряду, скажем, с «пластиком» Аполлоном Майковым. При этом, естественно, должны были наиболее одобряться именно стихотворения, подобные процитированной Некрасовым «Диане». И действительно, это стихотворение высоко оценивалось современниками (Тургеневым, Дружининым, В. П. Боткиным; см. сводку их восторженных отзывов в примечании Б. Бухштаба к изд.: А. А. Фет, Полное собрание стихотворений. — «Советский Писатель» 1937, стр. 707).

³ Гаклендер (Fr. W. v. Hackländer, 1816—1877) — известный немецкий беллетрист. Среди его произведений, имеющих характер безобидного юмора, разбираемый

Некрасовым роман «Europäisches Sklavenleben» (1854) стоит особняком как не вполне удачная попытка выступить в роли социального сатирика-моралиста.

⁴ «Редклифские наследники» (The Heirs of Redcliffe, 1853) — роман Ш. Иондж (Jonge, 1823—1901).

⁵ «Окорок ветчины» — повидимому, «Окорок единоклассника» — роман Ю. Энsworth (Ainsworth, 1805—1882).

⁶ Имеется в виду Белинский.

⁷ В своих «Замечаниях об отношении современной критики к искусству» А. Григорьев, нападая на третью статью Н. Г. Чернышевского по поводу «Сочинений Пушкина» в издании Анненкова («Современник», 1855, № 7), писал: «И чем же доказывает он свое положение? <о том, что современная Пушкину критика «была не так поверхностна и пуста, как обыкновенно думают»... пародией на стихотворение Пушкина «Поэт и Чернь», помещенной в «Телеграфе», пародией, которую как бесчестящую ее, может быть одумавшегося, сочинителя, не следовало перепечатывать, пародией, ругающей над великим поэтом...».

⁸ Некрасов имеет в виду Белинского, имя которого было запретным в тогдашних условиях; это обстоятельство раскрывает смысл намека, содержащегося в следующих словах Некрасова: «...те, которые бы хотели вступить за того, на кого он нападает, не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия!»

⁹ В стихотворениях Никитина, среди условно-крестьянской разговорной речи, иногда встречались слова литературно-«поэтической» сферы:

— Эх, тошно, родная!
И днем и во сне
Сторонка родная
Все грезится мне...
.....
Но очи недвижно
Смотрели вперед... и т. д.

¹⁰ В ноябрьской книжке «Современника» были помещены статьи: В. П. Боткиной. Выставка в императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года; А. В. Дружинин, Георг Крабб и его произведения, статья первая; повесть Тургенев «Постоялый двор».

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА НОЯБРЬ 1855 года

Читатель, вам, вероятно, часто случалось слышать, а может быть, и самому говорить, что в наше время в самом воздухе есть что-то располагающее — как бы сказать, к откровенности, к излияниям, к признаниям, — одним словом, к сознанию, с которым неразрывно связано стремление к усовершенствованию... Благородная, великая черта времени! великая и высокоутешительная черта в народе, могучее доказательство здоровья и силы, залог прекрасного будущего! Эта черта отразилась, между прочим, и на русской литературе. Кто читает журналы, тот не мог не заметить, что в последнее время критика наша вступила в акт сознания, сознания своей мелочности, пустоты, раздробленности, крайнего потворства, пристрастия и бессилия. Это сознание постоянно росло, становилось смелее и, наконец, в прошлом месяце выразилось ясно, резко и до самоотвержения благородно. Откуда бы ни подул первый ветер, нам приятно сказать, что честь смелого и прямого признания принадлежит «Отечественным Запискам»¹. Приглашаем читателей пробежать следующую страницу:

«...Когда журналы привыкли к своим рутинным пределам и заключили в них все литературные и богатую часть самостоятельных ученых трудов — все журналы начали обозревать друг друга. Шутка сказать! Журнал обозревает другой журнал! Можно себе представить, как прилежно, усердно они устремили друг на друга взоры. Часовой, который ходит на каланче, не смотрит так пристально на дым, вылетающий из трубы вверенной ему части, как обозреватель начал обозревать литераторов и сотрудников, — не проронит ли из них кто-нибудь обмолвки, а редакция не пропустит ли опечатки. Но это бы еще ничего: это мелочи; а мелочи всякий легко заметит. Зло крылось не там, а в отношениях критики к литературным талантам.

Тут журналист и литератор были поставлены в странные отношения. Положения между журналистами и литераторами возникли такие: или литератор (подлежащий критике) вовсе не участвует в журнале, или, напротив, он исключительно участвует в одном этом журнале. Это два самые простые положения, которые могли быть объяснены предубеждением автора против одного журнала и любовью к другому, любовью писателя к одному изданию и нелюбовью к другому, потому что с направлением одного он согласен, с направлением другого не согласен. Одним словом, какие бы ни были причины, но в этом случае они не сложны, и следствия их легко могут быть объяснены. Похвалы критики в этом случае, или справедливые, или пристрастные, для читателя могут быть ясны. Повторяем: это положение самое простое. Но дела изменялись, когда автор, участвующий в журнале, переходил в другой журнал; мнения о писателе в этом случае начинали обыкновенно колебаться, по причинам, о которых публика никак не могла догадаться. С одной стороны, писатели начинали больше хвалить, с другой — начинались легкие гонения, которые крепчали и крепчали по мере того, как отступничество автора делалось невозвратным. Во всех этих положениях авторам нужна была некоторая самостоятельность и гордость, чтоб выносить хладнокровно, а может быть, и с презрением подковы неприязненного журнала под его репутацию. Во всех этих случаях нашей журнальной жизни автор должен был обладать некоторою твердостью характера... Но что прикажете делать тому, кто не обладает этою силою характера в достаточной степени, или кого, по доброте душевной, увлекают многие или даже все журналы, который не имеет твердости отказать одному, сказать прямо жесткое слово другому? Они должны участвовать во всех журналах! Это положение, самое выгодное для писателя, но в то же время и самое бесцветное, ставит журнальных обозревателей просто в тупик. Все теории, весь вкус, весь навык писать рецензии делаются здесь недостаточными, чтоб скрыть шаткость отзывов. Посудитесь сами, как тут быть. Писатель, которого, например, я намерен разбирать во враждебном журнале, написал, положим, дурную статью. Что должен я сказать? — что она дурна и что у автора мало таланта? Но этот автор пишет в моем журнале, и, отзываясь невыгодно о нем, я бросаю подозрительный свет и на свой собственный журнал. Я должен хвалить его? Но тогда автор, приобретший дурную привычку помещать статьи во всех журналах, пользуясь такою снисходительностью, будет помещать только дурные статьи в моем журнале, а все лучшее во враждебном... Как быть? Ведь у нас нет еще журнала исключительно критического. Мы нуждаемся в стихах, мы нуждаемся в повестях, мы нуждаемся в ученых статьях. Талантливые сотрудники известны наперечет. Что ж, если мы начнем прямо, добросовестно высказывать им в глаза наше мнение? Этак, пожалуй, они отойдут в другой журнал...» («Отеч. Зап.», № XI, стр. 22).

Все это истины — горькие, но не подлежащие сомнению! К ним следует только прибавить, что в то время как в верхних слоях журналистики все эти печальные явления обнаруживались постепенно в формах более или менее приличных, доходили лишь до известной степени, оставляя иногда место правде, уважению к искусству и к читателям, — в слоях второстепенных дело пошло иначе: пристрастие, отношения, мелочные закулисные соображения стали на первом плане, и, кроме них, ничего уже не хотела знать критика тех журналов, в которых уважение к истине

никогда не было первенствующим началом *. Критика быстро пошла к падению, — остановить этот поток не было никакой возможности, ибо в общей схватке на критической арене не осталось уже ни одного бойца без пятна и упрёка, который смело, с полным правом мог бы возвысить свой голос против распространяющегося зла. Но всему есть граница; в самом падении лежит возможность обновления и восстания, — разумеется, для тех, в ком не вовсе умерло животворящее начало истины. Влияние страстей, личных отношений, соперничества не чуждо, до некоторой степени, всякой деятельности в ее кипучем пылу, но когда страсти заходят слишком далеко, и ложь в ее более податливых представителях готовится праздновать полное торжество, дерзко колебля треножник искусства, а с ним и правды, — личные страсти должны умолкнуть! Иначе нас заподозрят, что никакие движения, кроме этих мелких страстей, нам недоступны, и будет гибнуть бесплодно даже и то в нашей работе, что есть в ней истинного и чистого. Вот с какой точки зрения считаем мы приведенное выше признание «Отеч. Зап.» чрезвычайно важным и благородным. Дело самой публики определить, кому какая доля принадлежит в ныне обличаемом зле, но, если нужно, и мы, с своей стороны, готовы дойти до самообвинения, лишь бы сделать возврат к прежнему ходу дел невозможным. Вот о чем должно теперь подумать — и подумать серьезно. Всякая перемена к лучшему начинается с отрицания прежде бывшего сознания, его несостоятельности или полной негодности. Акт этого сознания совершился. Нужно идти далее. Но ведь отношения журналов к пишущим, пишущих к журналам — остаются те же... Следовательно, что же делать? как же быть? Неужели после честного и откровенного сознания в негодности системы снова возвратиться к ней? бранить чужих, хвалить своих, снова пустить в ход фигуры умолчания, уклончивости, задавая читателю шарады там, где он требует дела, и постепенно дойти опять до перечисления опечаток, переборки старых фельетонов и доброжелательных намеков, что у такого-то журнала не хватает денег на расплату с сотрудниками, тогда как у другого сундуки ломятся от золота?.. Это было бы слишком горько, это было бы постыдно. И если что-нибудь подобное будет, то мы спешим сказать, что не перо, пишущее эти строки, посягнет на такую работу и — нам приятно было бы думать — не перо, написавшее благородную статью в XI № «Отечественных Записок». Но вот мы и договорились до единственного средства, которое, по нашему крайнему разумению, может помочь делу. Это средство очень простое, о котором не раз толковалось, но которое теперь само вызывается к применению. Это средство — выставлять имя под журнальными обзорами и всякими критическими и полемическими статьями. Изюм ста дурных дел девяносто девять совершаются во мраке, и только одно при дневном свете. Свет — хорошая вещь во всем и всегда. Чем сложнее и таинственнее машина, в которой скрипят перья, затекают десятки рук и которая на тридцатый день выбрасывает в книжные лавки толстую книгу с повестями, науками, критикой, фельетонами, тем злоупотребление мнений удобнее, соблазнительней и безнаказанней. Сегодня пишет один, через месяц другой, там третий. Кто написал ту статью, кто другую, не знает не только публика, но даже не всегда знают близкие к литературе люди. Они знают только, что в таком-то журнале работают такой-то и такой-то, и человек, напечатавший вчера нечестную статью, сегодня является в их

* Чтoб убедиться, до чего дошло, наконец, это критическое растление, довольно пробежать следующие статейки, явившиеся не далее как в прошлом месяце. Не в том дело, что разбираемые статьи не нравятся критику, но с какой точки он смотрит, какие побуждения им руководят!

⟨Далее опущены отзывы «Библиотеки для Чтения» о «Современнике» и «Отечественных Записках». — Р е д.⟩

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ПСОВАЯ ОХОТА»

Хромолитография с акварели П. П. Соколова

«Альбом акварелей к стихотворениям Н. А. Некрасова». Приложение к журналу «Север» на 1894 г.

круг совершенно спокойно, с ясным и открытым лицом. Для него, таким образом, нет суда не только общественного, но даже и своего домашнего. Совесть его с каждым месяцем делается менее щекотливою, он доходит быстро до решительного бесстыдства, и позор его деятельности разделяется между всеми его товарищами, падая даже на таких, которые имеют и честные убеждения и любовь к искусству и только горько пожимаются при известии, что такая-то или такая-то статья приписывается им. Обтерпевшись и видя, что как ни действуй — все одно, и эти последние не строго выдерживают характер: журнальная ржа проедает понемногу даже честные и сильные души... Не говорите нам о том, что за мнения журнала отвечает журнал, журналист, редакция. Это, может быть, было хорошо прежде, но теперь этого недостаточно. Все знают, что не вы одни пишете в вашем журнале, следовательно, вы отвечаете за других,... кто же не знает, что в деле моральной ответственности отвечать за других значит почти то же, что ни за кого не отвечать? То ли это, что отвечать за себя, за с в о й ум, за с в о ю честность? Самый нещекотливый человек задумается произнести сомнительное слово, если должен его скрепить свидетельством своего имени. Конечно, где не бывает исключений! Есть люди, ворующие среди белого дня, с открытым лицом; но если б для похищения чужой собственности достаточно было протянуть руку, не обнаруживая лица — сколько протянулось бы рук?

Вы теперь очень спокойно говорите и печатаете, что «авторы и критика сообща обманывали публику». («Отечественные Записки», № XI, журн. стр. 25). Какая критика? — Критика журналов, отвечаете вы. Но попробуйте поставить вопрос таким образом: кто был орудием этого обмана в таком-то журнале? Кто в таком-то? Вы увидите тотчас, что отвечать будет не так легко. Вот почему

важна подпись имен. Она важна и в другом отношении. Публика наша никогда не отдавала своей симпатии журналу без того, чтоб эта симпатия не выразилась определенно в сочувствии к тому или другому лицу, действующему в журнале. Так было с «Телеграфом», так было с «Отечественными Записками» сороковых годов². И зато какая вера была к журналу, какая живая связь между им и читателями! Если лицо, влекущее симпатию публики, само не сказывалось, публика узнавала его сторонними путями и освобождала журнал от великодушной и смешной роли ответчика. Только в последние годы ход дела изменился, конечно, не к лучшему, — живые личности, говорящие с публикой, всегда были и будут для нее интереснее отвлеченного представления: «журнал», которое теперь предлагают взамен их. Итак, дайте же простор личностям, покажите — чьими устами вы говорите? публика скоро разберет, кто говорит дело, кто нет; быть может, найдутся такие люди, которые пробудят ее симпатию, — тем она будет верить, а об остальных будет знать, что думать. Таким образом, выиграет и литература и справедливость, а вы освободитесь от затруднительного положения, на которое теперь, не без основания, жалуетесь. Теперь говорят: «Современник» (или «Отечественные Записки») меня обругал..., а тогда будут говорить: «такой-то критик меня обругал». Конечно, тут остается еще выход оскорбленному авторскому самолюбию в претензии, зачем журнал напечатал неблагоприятный отзыв... Но это только до времени, пока критик не приобретет авторитета. Однакож время кончить эти скудные рассуждения. Какими бы они ни показались читателю, мы их набросали здесь в доказательство нашей готовности сделать все, что можем с своей стороны для того, чтоб русская критика вышла на прямую дорогу.

Может быть, кто-нибудь нам скажет: всякое дело, предлагаемое другим, должно начинать с себя: почему ж вы не выставляете имени под вашими статьями? До сей поры мы этого не делали из опасения увеличить взыскательность читателей к нашей спешной работе, но если б наше предложение нашло сочувствие, мы с удовольствием принесли бы эту, в сущности ничтожную, причину в жертву нововведению, которое считаем полезным и нужным.

В то время, как таким образом проявляется усилие облагородить современную критику, а с тем вместе и поднять в общественном мнении литературу, — находятся люди, которые... действуют совершенно в другую сторону. Так, недавно «Северная Пчела» возобновила свои нападения на Гоголя, но так как эти выходки были уже обличены*, то мы переходим прямо к тому, что говорится в № 255 «Северной Пчелы» о Пушкине. Автор статейки г. К. П.³ недоволен трудом г. Анненкова, и как издателя, и как биографа. Издание ему не нравится за опечатки (в этом он прав — до некоторой степени), а биография — за то, что г. Анненков не выставил Пушкина таким, каким разумеет его К. П. По словам г. К. П., г. Анненков «как будто задал себе задачу не договаривать ничего, представлять многое в превратном виде и хвалить Пушкина, точно как члены французской Академии» и прочее... Хвалить! а по мнению г-на К. П. следовало делать совершенно противное!

«Конечно, теперь еще нельзя говорить о нем в с е г о; но через осмнадцать лет после его кончины, при утвердившейся незыблемо славе его, как поэта, можно и должно определить: какого рода был он поэт! Для этого необходимо рассмотреть направление и философию того общества, в котором он воспитался до юношеских лет, изобразить теорию, господствовавшую в словесности, указать великих современных поэтов ино-

* <Примечание — питаты из статьи М. Р. «Несколько слов о Гоголе» («С-Петербургские Ведомости», № 259) — опущено. — Р е д.>

странных, которые имели на него влияние, наконец представить характер и жизнь самого Пушкина — и нам объяснится все в его сочинениях: и достоинства их, и недостатки, и легкие успехи поэта в первое время его деятельности, и озлобление, которое возбудил он против себя в современниках своею изменчивостью, своим тщеславием, которому готов был жертвовать всем».

Так вот чего не договорил г. Анненков! Пушкин отличался изменчивостью!!! Пушкин готов был всем жертвовать тщеславию!!! Но где же факты? где доказательства? Ни фактов, ни доказательств нет, да и быть не может.

«Пушкин слишком долго следовал философии, господствовавшей во Франции и у нас в начале нынешнего столетия, и хотя в последние годы своей жизни он чувствовал, как ничтожно растрачивались поэтические его силы, хотел расширить круг своей деятельности, делал попытки в разных родах, но слабость характера мешала и вредила ему во всем: и в жизни и в сочинениях, заставляя часто изменять направление. Основною причиною этому была сроднившаяся с ним гибкая философия, от которой не мог он освободиться».

Все это грустно читать. Опровержения тут не нужны, но странно — неужели г. К. П. думает, что кто-нибудь поверит ему на слово в таком деле? От Пушкинского периода, прекраснейшего периода нашей литературы, уцелело еще несколько людей, не без пользы и славы проходивших одно с ним поприще, — людей, дорогих каждому русскому благородством характера и всей своей деятельности и за то обремененных доверием общества, — пусть бы еще кто-нибудь из таких людей сказал нам что-нибудь подобное... и тогда поверить этому было бы невозможно... Но дело в том, что никто из таких людей ничего подобного не скажет, — иначе они не были бы тем, что они есть, не были бы достойными Пушкина современниками, любившими и любящими в нем и друга, и человека, и поэта — гордость и славу своего отечества.

Все дальнейшее в статье должно еще более удивить читателя.

«Ею (гибкою философиею) проникнут весь знаменитый рассказ об Онегине, пленительный красотою и прелестью многих стихов, умных отступлений, лирических мест, но выражающий собою и весь образ мыслей поэта. Он любит, изображая светского шалуна, он не понимает ничтожности этого светского себялюбца, и вместе с ним подсмеивается над многим, что вовсе не смешно. Онегин готов, из корыстных видов, лицемерить у постели умирающего дяди, готов убить друга за пустую размолвку и важничать, почти как Хлестаков, перед провинциалами и провинциалками, чтоб (высшая цель!) наконец играть жалкую роль в светских салонах. Все это изображает поэт, явно поставляя Онегина выше всех его окружающих, обрисовывая с каким-то одобрительным самодовольством его фанфаронские затеи, его ничтожность, пустоту».

Опровержения и тут излишни. Все, что усиливается заподозрить в Пушкине г. К. П., — его глубокая любовь к искусству, серьезная и страстная преданность своему призванию, добросовестное, неутомимое и, так сказать, стыдливое трудолюбие, о котором узнали только спустя много лет после его смерти, его жадное, постоянно им управлявшее стремление к просвещению своей родины, его простодушное преклонение перед всем великим, истинным и славным и возвышенная снисходительность к слабым и падшим, наконец весь его мужественный, честный, добрый и ясный характер, в котором живость не исключала серьезности и глубины, — все это вечными, неизгладимыми чертами вписал сам Пушкин в бессмертную книгу своих творений — и пока находится она в руках читателей, ни г. К. П., ни подобные ему не подкопаются под светлую личность поэта намеками

на какую-то изменчивость, гибкую философию... и прочее. Мы первые знаем, что Пушкин не нуждается в защите, и пишем эти строки только для успокоения нашего личного негодования... да еще, может быть, с благодарностию прочтут нас люди очень молодые, но успевшие уже полюбить литературу и в ней Пушкина. В таких юношах, очень естественно, г. К. П. может затронуть чувство ученика, перед которым оскорбили бы его любимого наставника. Им мы можем сказать: не слушайте ни г. К. П., ни подобных ему. Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, — и поучайтесь из них. Читайте биографию Пушкина, написанную Анненковым, — верьте приведенным в ней фактам (они не выдуманы и не преувеличены), поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним, если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!

За мнениями о характере Пушкина следует в статейке приговор его литературной деятельности. Опровергать эту часть не стоит, но можно, для забавы читателей, выписать некоторые суждения г. К. П. «Его повести в прозе — произведения умного, искусного писателя, но не вдохновенного поэта. Он писал их с трудом, и сначала очень неудачно». Далее следует уверение, что пушкинская метода сочинения напоминает работу на борную, и в пример приводятся пять строк из «Летописи Горохина», почти слово в слово повторенных в «Дубровском» (описание запущенного барского двора). Так. Но г. К. П. позабыл прибавить, что «Дубровский» и «Летопись» явились в печать уже после смерти Пушкина. Если б Пушкин печатал эти повести сам, то, конечно, изменил бы сходное место; а что подобные перемещения больших и малых отрывков из одного сочинения в другое встречаются в черновой работе у всех писателей — великих и малых, — об этом, кажется, не нужно и говорить. Затем следует обвинение: зачем Пушкин не был поэтом всеобъемлющим, писателем превосходным во всех родах? «Хорошо почти все, что писал он; даже хороши «История Пугачевского Бунта» и критические его статьи; но не такие сочинения дают право называть его первостепенным поэтом. Он великий поэт лирический, лучший наш версификатор; но вдохновение его всегда кратковременно, изменчиво, и оттого, можно сказать, не доставало его ни на поэму, ни на роман, ни на драму. Что такое его «Борис Годунов»? Прекрасные отдельные сцены, но не драма, которая могла бы быть представлена на театре».

В заключение своей статейки г. К. П. простодушно замечает: «вот как о го рассмотрении сочинений Пушкина желали мы...» Верим, но любопытно знать, много ли в России найдется людей, разделяющих ваше желание?

В ноябрьских журналах, после прекрасной статьи (или вернее: поступка) «Отечественных Записок», замечательны некоторые строфы стихотворения г. Бенедиктова «К России». Оставляя слабую сторону стихотворения, выписываем удачные строфы, доказывающие, что г. Бенедиктов, когда захочет, может явиться истинным поэтом, без погрешек, без трескотни, сильным простотой и правдой, неразлучными спутниками поэзии:

Пусть нас зовут врагами просвещения!
Со всех трибун пускай кричат, что мы —
Противники всемирного движенья,
Поклонники невежественной тьмы!
Неправда! Ложь! — К врагам готовы руку
Мы протянуть: давайте нам науку!

Уймите свой несправедливый шум!
 Учите нас: мы вам «спасибо» скажем;
 Отстали мы? Догоним и докажем,
 Что хоть ленив, но сметлив русский ум.

Вы хитростью заморскою богаты,
 А мы спроста в открытую идем,
 Вы на словах возвышенны и святы,
 А мы себя в святых не сознаем:
 И кто из нас или нечестный воин,
 Иль гражданин, но не закона страж,
 Мы скажем: «Царь! Он Руси недостоин.—
 Изринь его из круга: он не наш».

Твоя казна да будет нам святыня!
 Се наша грудь — Отечества твердыня,
 Затем, что в ней живут и бог и царь,
 Любовь к добру и пламенная вера!
 И долг и честь — да будут наша сфера!
 Монарх — отец, отечество — алтарь!

Не звезд одних сияньем лучезарен,
 Но рвением к добру страны родной,
 Сановник наш будь истинный боярин,
 Как он стоит в стихах Ростопчиной!⁴
 Руководись и правдой и наукой
 И будь второй князь Яков Долгорукой!
 Защитник будь вдовства и сиротства!
 Гнушайся всем, что криво, низко, грязно!
 Будь в деле чужд Аспазий, Фрин, соблазна,
 Друзей, связей, родства и кумовства!

ПОСЛЕДНИЙ КАБАК У ЗАСТАВЫ
 Картина маслом В. Г. Перова, 1868 г.
 Третьяковская галлерей, Москва

И закипят гигантские работы,
И вырастет богатство из земли,
И явятся невиданные флоты,
Неслыханных размеров корабли,

И миллион громаднейших орудий,
И явятся — на диво миру — люди,
И скажет царь: откройся свет во мгле
И мысли будь широкая дорога
Затем, что мысль есть проявление бога
И лучшая часть неба на земле.

Повесть г. Михайлова «Наш Дом» («Библиотека для чтения») некончена, роман г. Григоровича «Переселенцы» («Отечественные Записки») только что начат. Итак, по отделу словесности говорить не о чем, но можно написать следующие строки, доказывающие, что г. Дружинин и в самой легкой своей вещи умеет обронить умную мысль, теплое слово⁵.

«Кто из нас не провожал когда-либо приятеля, на минуту внесшего небольшое развлечение под тихую нашу кровлю, не следил глазами за его исчезающим экипажем и не дивился странности ощущений своих в это время? Действительно, странные ощущения испытывает деревенский житель в день отъезда своего гостя! Как длинны кажутся часы, еще вчера проходившие так быстро! Как холодно и пусто глядит окрестность, которую за несколько часов назад восхищался наш посетитель! Боже мой, какую уныние наводящую пелену лежат эти ровные, вспаханные поля и другие поля, на-лево, с которых только что снят яровой хлеб! Как все глухо и неприветливо в старой роще, сколько желтых листьев навалилось за один день, и как шелестят они под ногами! Сад противен, прислуга бродит нехотя, яблоки валяются по дорожкам, бабы приходят на озеро с какими-то грязными лоскутьями их, намочивши, колотят колотушками, от которых раздается резкий, однообразный стук по всему берегу! Солнце как будто перестает греть, и с наступлением вечера небо подергивается зеленоватыми тонами — признаком наступающих холодов. Ночью надо ждать мороза, а вы как будто приготовились к тому, что завтра все цветы ваши померзнут, листья опадут все, а соседние пригорки исчезнут «под белой скатертью снега, посреди которой серыми волнами станет плескаться холодное, шумливое, печальное озеро!» («Деревенский Черкес», рассказ. «Библиотека для Чтения»).

В «Отечественных Записках» выше всяких похвал статья г. Кудрявцева «Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском». Все знавшие, любившие и ныне оплакивающие Грановского, конечно, пошлют из глубины сердца благодарность г. Кудрявцеву за эти трогательные строки. В статье о «Прописях» заметили мы стремление к витиеватости слога, которое, кажется, пора оставлять. Пусть судят читатели, — вот небольшой пример:

«Жуковский свершил, по видимому, свое человеческое и авторское поприще, которому положены известные пределы самою природою. В продолжение целого полувека он сиял незакатым светилом на горизонте русской поэзии, по прекрасному выражению одного известного нашего писателя, много оставил нам «нетленных слов», равносильных «благим делам». Судьба, так безжалостно похитившая у нас Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, в пору высшего развития их таланта, по отношению к Жуковскому была, по видимому, милостивее к русской литературе и прочее.

В заключение, мы должны приветствовать нового деятеля на журнальном поприще. Читатели уже знают из объявлений о предпринятом в Москве г. Катковым «Русском Вестнике». Судя по программе и по именам сотруд-

ников, это будет дельный и прекрасный журнал. Во всяком случае, имена людей, стоящих во главе издания, служат несомненным ручательством, что наша литература приобретет в «Русском Вестнике» деятеля добροкачественного и добронравного...

* * *

№3. Только что заключили мы эти «Заметки», а с ними и настоящую книжку «Современника», как получили от Ап. Ник. Майкова следующее стихотворение, которое и спешим представить нашим читателям, извиняясь перед поэтом, что помещаем стихотворение здесь⁶, так как первый отдел книги уже заключен.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЗЕМНАЯ КОМЕДИЯ»

(Памяти Пушкина)

Над прахом гения свершать святую тризну
Народ притек. Кто холм цветами украшал,
Кто звучные стихи усопшего читал,
Где радовался он и плакал за отчизну.
И было сладко всем. Одним в его стихах
Все новая краса и сия открывалась;
В тех — к родине любовь сильнее разгоралась,
И всякий повторял с слезами на глазах:
«Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах».

Но вдруг, среди толпы, я крик ужасный внемлю.
То на землю кинулся как жердь сухой старик.
Он корчился, кусал и рыл ногтями землю,
И пену ярости точил его язык.

Его никто не знал. Но старшие в народе
Припомнили, что то был старый клеветник,
Из тех, чья ненависть и немощная злоба
Шли следом за певцом, не смолкли и у гроба,
Дераая самый суд потомства презирать.

И вот, поднявшись и бормоча без связи,
На холм могильный стал кидать он комья грязи.

Народ, схватив его, готов был растерзать.
Но вождь мой удержал. «Ваш гнев певца обидит»,
Сказал: «Стекайтесь, как прежде, совершать
Поэту память здесь и гроб его венчать,
А сей несчастный — пусть живет и видит».

А. Майков.

«Современник» 1855, № 12, 271—284; без подписи»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Отклик «Заметок о журналах» на выступление обозревателя «Отеч. Записок» явился звеном в широкой журнальной дискуссии конца 1855 — начала 1856 г. на тему о недостатках литературной критики и о необходимости бросить мелочную полемику и перестроить полемические отделы «журналистики». Эта дискуссия была связана с новыми задачами журналистики в обстановке общественного подъема и обострившейся идейной дифференциации классовых групп.

Журнальная конкуренция, поверхностная, придирчивая полемика рекламно-коммерческого назначения («битие по карману») постепенно все более сменялись принципиальными дискуссиями на общественно-политические темы, идейной борьбой между журналами, которые окончательно оформились как органы определенных политических группировок. Конкуренция журнальных предприятий сменилась борьбой направлений журналистики. Успех у читателя стал определяться победой направления. Это отмечали все журналисты См., например, высказывания по этому поводу рецензента «Библиотеки для Чтения» О. Колядина («Библиотека для Чтения», 1856, март, «Журналистика», 1); ср. также ретроспективные соображения Н. Чернышевского в его статье «История

из-за г-жи Свечиной» (Н. Чернышевский, Полное собрание сочинений, СПб., 1906, VI, 243—244).

Изменение значения и роли журнала объясняет повышенный интерес всех критиков к техническому, казалось бы, вопросу о перестройке отдела «Журналистики». «Отеч. Записки» предложили заменить прежние полемические обозрения журналов, или так называемую «журналистику», — «обзором литературных и ученых произведений, появляющихся в журналах». Такой «обзор» по типу приближался к отделу «критики» или «библиографии»: отдельные статьи журнала рецензировались на правах отдельных книг или брошюр; обозреватель получал свободу действия — рецензировать отдельные интересные ему статьи, пропуская неинтересные; он уже не был связан обязанностью сплошного обзора.

«Современник» в комментируемой «Заметке», сочувственно откликнувшись на предложение «Отечественных Записок», со своей стороны, предложил уничтожить анонимность журнальных отзывов, поощряющую литературную безнаказанность и журнальные интриги. «Отечественные Записки» немедленно согласились и провели это предложение на практике, — с тем большей легкостью, что у них оставался резервный плацдарм в виде газеты «С.-Петербургские Ведомости», где можно было вести инспирированную полемику в интересах журнала, оставаясь в стороне и не роняя достоинства последнего.

В то же время сам «Современник» не решился осуществить свое предложение, и «Заметки о журналах» остались анонимными.

Они не подверглись коренной перестройке, так как с самого начала были отличны от типичных полемических обозрений: самое возникновение «Заметок» взамен фельетонов Нового Поэта было, повидимому, вызвано потребностью создать серьезную, спокойную принципиальную критику текущей журналистики. Однако тип «Заметок» не остался неподвижным: по мере перестройки других журналов, «Заметки» «Современника» отходят от сплошной регистрации журнальных мелочей, посвящая статьи двум-трем наиболее интересным явлениям, при этом рядом с оценками художественных произведений появляются подробные разборы исторических, политических и экономических трудов. С передачей «Заметок о журналах» полностью в руки Чернышевского, обзоры художественных произведений в них исчезают совсем.

² Говоря о сочувствии публики «к тому или другому лицу, действующему в журнале», Некрасов имеет в виду в первом случае Полевого, во втором — Белинского.

³ г. К. П. — К. А. Полевой.

⁴ Ироническое подчеркивание строки принадлежит Некрасову.

⁵ Эти слова о Дружинине послужили поводом для нападок «С.-Петербургских Ведомостей», постоянно враждебных «Современнику». «Какую пользу принесет подобная критика? — писал рецензент. — «Русский Черкес» слаб не по изложению, всегда безукоризненному у автора, а по мысли и содержанию, неестественному и утрированному. и мы думаем, что гораздо справедливее и полезнее было бы, рассказав содержание, указать на его недостатки» («С.-Петербургские Ведомости» 22 декабря 1855 г., № 281; ср.: там же, 1 декабря 1855 г., № 261).

⁶ Можно предположить, что помещение «Отрывка» Майкова после «Заметок о журналах» было вызвано соображениями злободневности: стихотворение оказывалось направленным против К. Полевого и Булгарина, о клеветнических нападках которых на Пушкина и Гоголя говорилось выше в комментируемой статье.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ДЕКАБРЬ 1855 и ЯНВАРЬ 1856 гг.

Читатель, прежде чем говорить о новых книжках журналов, необходимо хоть бегом оглянуться на истекший литературный год: каков бы ни был он в других отношениях, не помянуть его добром со стороны русского литератора было бы величайшей неблагодарностью. В литературе нашей давно не было года столь живого, богатого, благотворного по своим последствиям. В этом году русская публика получила издание своего национального поэта, — издание, достойное того великого значения, которое имеет Пушкин в истории развития русского общества¹. В этом же году русскому обществу дан был Гоголь, которого прежних изданий едва достало для десятой доли читателей, желавших наслаждаться и поучаться творениями великого русского комика. Уже этих двух фактов достаточно, чтоб сделать 1855 год надолго памятным для каждого истинного ревнителя отечественного просвещения. Но это еще далеко не все: пути, которыми вливается просвещение в публику, значительно расширены: в 1855 году получили право существования несколько новых журналов². Не касаясь столетнего юбилея Московского университета и многого другого, что не относится прямо к литературе, но будет иметь благоде-

тельное влияние на развитие нашего просвещения вообще, — переходим к отдельным литературным явлениям, характеризующим 1855 год.

Здесь прежде всего мы опять должны остановиться на труде, связанном с именем Пушкина. Мало сказать, что в 1855 году русская публика получила удовлетворительное издание «Сочинений Пушкина». Нужно еще сказать, что публика в этом году в первый раз получила понятие о личности своего любимого поэта, — личности, достойной, по своим возвышенным качествам, изучения, подражания и поклонения. Первый том нового издания Пушкина, носящий название материалов для его биографии, есть капитальная книга, каких немного во всей русской литературе. Ее, без сомнения, должно поставить во главе литературных явлений 1855 года. Мы уже довольно сказали, в первой нашей статье, по поводу нового издания Пушкина («Современник» 1855, № 2)³, о труде г. Анненкова, который дал нам возможно полную картину жизни и творчества Пушкина, возведенную строгой обработкою к форме самостоятельного литературного произведения, и теперь должны только прибавить, что труду г. Анненкова, кроме его литературного достоинства, принадлежит, по справедливости, значение важной общественной заслуги. Когда вопрос касается биографии Пушкина и честного исполнения такого труда, подобное выражение не должно никому казаться преувеличенным.

Не забудем также, что издание Анненкова обогатило русскую поэзию несколькими новыми сокровищами, которые должны считать принадле-

НА МИРУ

Эскиз маслом С. А. Коровина к его одноименной картине, 1886 г.

Художественный музей, Иваново

жащими 1855 году, так как только в нем они сделались достоянием публики. Мы говорим о новых стихотворениях и прозаических отрывках Пушкина, найденных г. Анненковым при тщательном пересмотре бумаг поэта и украсивших собою новое издание. Такие пьесы, как «Воспоминания в Царском Селе», «Муза» («Наперсница волшебной старины» — см. «Современник» 1855, № 2), вторая половина превосходной пьесы «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день» — см. «Современник» 1855, № 2), как пушкинский «перевод XXIII песни ариосто Orlando furioso», новые строфы из «Домика в Коломне» и мн. др., конечно, увеличили богатство русской литературы более, чем некоторые современные изделия большого объема. А сколько пьес неоконченных, недоделанных, блещущих искрами поэзии, рассеяно в биографии, составленной г. Анненковым! Кто умеет наслаждаться поэзией, для того в перечитывании «Материалов» скрывается источник бесконечного наслаждения. Один такой отрывок, как сейчас следующий, может наполнить на целый день душу, склонную к изящному, избытком сладких и поэтических ощущений.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медля поминутно спишь
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Какая поэзия! какая музыка! и сколько тут читаешь между строками! Поэт жалеет о своей няне; а кого нам жаль? Нам жаль его самого больше, чем няню, о которой мы забываем, слушая эту музыку любви и сиротливой грусти, исходящую из благородного, мужественного, глубоко-страдающего сердца! или, лучше сказать, нам никого не жаль: при чтении подобных вещей господствующее чувство — наслаждение.

И таких отрывков в издании Анненкова десятки! Не умеет наслаждаться поэзией тот, кому ничего не говорят эти отрывочные, недописанные строки, оставляющие за собой перспективы для мысли, для чувства, как звук «внезапно порванной струны...» Нам случилось встречать и таких людей, которые, запасшись первым изданием Пушкина (в 11 томах), думают, что они знают великого русского поэта и что им узнавать более нечего: «все-де остальное — обрывки да обракованный автором хлам». С такими господами мы не намерены входить в спор и можем только изъяснить свою радость, что таких господ немного, в чем убеждает нас быстрый, блистательный успех издания г. Анненкова.

В 1855 году, кроме издания прежних сочинений Гоголя, вышли в свет его последние произведения — второй том «Мертвых Душ» (5 глав) и «Авторская Исповедь».

В 1855 году, по поводу столетнего юбилея Московского университета, вышло несколько важных сочинений, связанных с значением и деятельностью учреждения, торжество которого послужило поводом к их появлению. Все эти сочинения в свое время были рассмотрены в «Современнике».

В 1855 году писатель, с талантом первоклассным, после пятилетнего молчания, возобновил свою деятельность, подарив русскую публику богатым запасом своих путевых впечатлений. Еще недавно мы говорили

подробно о путевых заметках г. Гончарова ⁴, по поводу отдельно изданной им книги «Русские в Японии».

К 1855 году относится если не появление, то развитие деятельности нового, блестящего дарования, которого первое произведение появилось в 1852 году и на котором останавливаются теперь лучшие надежды русской литературы. По характеру нашего беглого очерка, здесь не место входить в анализ таланта графа Толстого (Л. Н. Т.); но нам приятно заметить, что теперь уже нет ни одного русского читателя, интересующегося успехами родной литературы, которому было бы чуждо недавно обнародованное имя автора повестей: «Детство» («Современник» 1852, № 9), «Набег» («Современник» 1853, № 3), «Отрочество» («Современник» 1854, № 4), «Записки Маркёра» («Современник» 1855, № 1) «Севастополь в декабре месяце» («Современник» 1855, № 6), «Рубка леса» («Современник» 1855, № 9) и, наконец, напечатанной в нынешнем году повести «Севастополь в августе 1855 года». Эта последняя повесть, как своими достоинствами, так и недостатками, окончательно убеждает, что автор наделен талантом необыкновенным. Недостатки ее, кроме некоторой небрежности изложения, — отсутствие строгого плана, в котором частности сводились бы к общему и единому, представляя соразмерное, замкнутое целое; отсюда: некоторая неполнота впечатления, лежащая, впрочем, главным образом в самом названии повести, настраивающем читателя к ожиданию колоссальной картины разрушения осажденного города, — картины, общее изображение которой не входило в план автора, о чем мы не сожалеем: как истинный художник, автор понял, что едва ли возможна такая картина: воображение читателя, настроенное целым годом страшной действительности, едва ли подчинилось бы самому широкому, мастерски набросанному изображению. Достоинства повести первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове, — вот достоинства повести. В самой мысли провести (?) ощущения последних дней Севастополя и показать их читателю сквозь призму молодой, благородной, младенчески-прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни, видим мы тот поэтический такт, который дается только художникам. Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети, — по крайней мере, многие пали так, — и слава богу, что воспоминание о дорогих потерях будет сливаться в вашем воображении с таким чистым, светлым, поэтическим представлением, как смерть Володи! Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце.

Мы хотели еще поговорить о других лицах повести, в особенности о характерах солдат и между ними Мельникова; но мы и так написали уже целую страницу, собираясь сказать несколько слов, и притом подверглись опасности, что нас обвинят в «самохвальстве» (как будто граф Толстой и мы — одно и то же), — обвинение, которое повторяется каждый раз, как нам случится только заикнуться о каком-нибудь произведении, помещенном в «Современнике». Но почему же мы не можем сказать своего мнения об интересующем нас (и публику) писателе, тогда как другие

журналы расточают ему громкие, даже преувеличенные похвалы? Если думать о том, «что скажут?», то придется сложить руки. Есть такие положения, где — что ни делай и как ни делай — непременно что-нибудь скажут, и скажут что-нибудь нехорошее. И беда была бы, если б над всеми толками и пересудами не господствовало убеждение, что толки останутся толками, а дело — делом; что у публики есть свои глаза. Итак, сказав в нынешнем номере несколько слов о последней повести графа Толстого, в следующем будем говорить о «Рудине», повести г. Тургенева, потому что — скажем прямо — повесть г. Тургенева и повесть графа Толстого мы почитаем самыми живыми литературными явлениями настоящего времени.

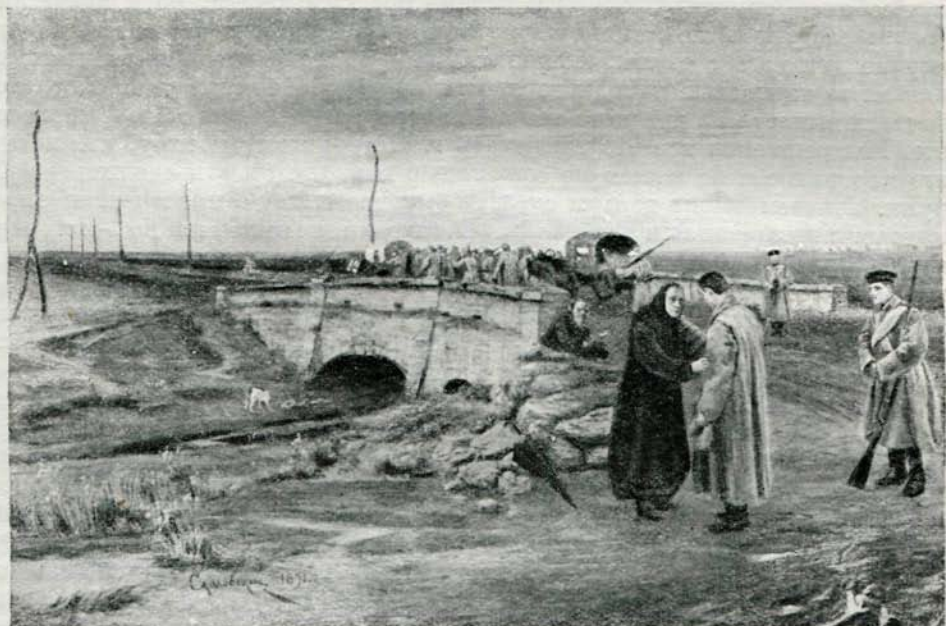
Переходим к заключению нашего беглого очерка характеристических черт 1855 года. Нет сомнения, что мы многое пропустили и, притом, мы почти не выходили из области так называемой изящной словесности; но и указанных фактов достаточно для подтверждения нашей мысли, что в русской литературе давно уже не было такого плодотворного года, как прошлый. Деятельность лучших наших писателей в 1855 году также не противоречит этому заключению, равно как и достоинство журналов, в которых, в настоящее время, нельзя не видеть признаков оживления, вместе с искренним стремлением улучшить и облагородить существенную часть журналистики — критику... Да! мы забыли еще замечательное явление 1855 года, перевод дантова «Ада». «Современник» изготавляет критический очерк о труде г. Мина; а, между тем, появление Данта в русском переводе побудило нас поспешить помещением статьи Карлейля о Данте. Здесь, кстати, мы сообщим несколько замечаний о Карлейле, набросанных одним нашим литератором, — замечаний, с которыми нельзя не согласиться.

⟨Далее опущены характеристика Карлейля, принадлежащая В. П. Боткину, и отзыв о статье Мокрицкого «Воспоминания о Брюллове». — Р е д.⟩

В 17-м (он же и 18-ый) номере «Москвитянина», продолжение которого, к сожалению, нам, кажется, не суждено увидеть, помещена комедия г. Островского «Не так живи, как хочется». Считаю долгом сказать несколько слов об этом новом произведении* нашего, бесспорно, первого драматического писателя. «Не так живи, как хочется» не имело большого успеха на сцене, и, читая эту комедию, понимаешь, почему это должно было так случиться; но спешим прибавить, что разве только в первом, известном произведении г. Островского можно найти такие живые и мастерски очерченные лица, как в «Не так живи, как хочется». Не говорим уже о верности языка: русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц, действительно, веет русским духом. Содержание «Не так живи, как хочется» совсем просто: у Спиридоновны — хозяйки постоялого двора — живет дочь Груша, веселая, бойкая и умная девка, превосходный тип мещанки-кокетки. В нее влюбляется Петр Ильич, сын зажиточного купца, строгого и благочестивого. Петр бросил жену, вышел из повиновения у отца, — загулял, словом. Груша принимает его сперва за холостого, потом узнает от его же жены, что он женатый, и расстается с ним. Петр спешит домой, разъяренный и хмельной, выбегает куда-то с ножом в руке и возвращается уже совсем другим человеком. Он рассказывает, что, услышав колокольный звук, он вдруг очнулся на берегу полыньи на Москве-реке. Потрясенный близостью смерти, он

* Во 2-м номере «Русского Вестника» появилась еще комедия г. Островского, под заглавием «В чужом пиру похмелье». Поговорим о ней в мартовской книжке «Современника».

внезапно чувствует отвращение к своим бесчинствам, раскаивается и мирится с семьей. Кроме поименованных выше лиц, в комедии мы находим еще лица Агафона и Степаниды, бедных уездных мещан, родителей петровой жены, Даши; лица Васи, молодого купеческого сына, добродушного и смиренного, тетки Афимьи и кузнеца Ерёмки, развращенного и пропащего человека, опасного балагура и плута. — Лучше и выдержаннее всех лиц — Груша. Кажется, так и видишь ее, слышишь ее смех. Это настоящая русская девушка, смышленная, даже лукавая, но с душой, — беззаботно веселая, но с характером. Автор сумел, нисколько не нарушая истины, придать ей особенную прелесть. Мать ее тоже очень хороша. Видно, что она была такой же Грушей в молодости, и дочка вышла в нее. Вася мил

ПО ЭТАПУ

Картина маслом Н. И. Скадовского, 1891 г.
Третьяковская галерея, Москва

и невольно привлекает к себе читателя. Из остальных лиц нам больше всего понравился отец петровой жены, Агафон, тихий и кроткий человек. Из Ерёмки автор мог бы сделать многое: в нем видятся начатки какого-то мещанского Мефистофеля, но дело так и осталось при этих начатках: автор не развил их, — и Ерёмка, такой, каким он представлен в комедии, является лицом обыденным и чуть не пошлым... А жаль! — Мы считаем уместным именно по поводу этого Ерёмки выразить, в чем, по нашему мнению, можно упрекнуть г. Островского. Обладая замечательной сценической сноровкой, тонким пониманием условий театральных, он жертвует для них полнотой и шириной своих лиц; они слова лишнего у него не вымолвят, — все, так сказать, пригнано у них как раз в меру, как платье от модного портного. Многие, пожалуй, готовы похвалить за это г. Островского; но нам кажется, что с его талантом можно и должно иметь гораздо высшие притязания, чем на лавры какого-нибудь Скриба, этого Шармера⁵ драматического искусства. Вообще, мы готовы просить г. Островского — не сужать себя преднамеренно, не подчиняться никакой системе, как бы

она ни казалась ему верна, с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни. Пусть он даст себе волю разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь; пусть он разовьет в себе дух истинной художнической свободы и справедливости. У Шекспира король Лир восклицает: «На земле предо мной нет виноватых!». Великий дух Шекспира веет в этом слове, и да опочитет он на каждом писателе! Точно: лица, выводимые писателем-художником, перед ним не виноваты; он не судья им, он не имеет права питать к ним злобу, определять им наказания, точно так же, как не его дело награждать, раздавать венки и выставлять образцы добродетели или примеры для подражания. Это все дело самой жизни, самих лиц. Глядите на них прямо и открыто, и они, как в чистом зеркале, отразятся в вашем произведении. И нравственный урок скажется сам собою. Без чистой любви к истине нет художества; но и излишняя боязнь отступать от истины также вредна. Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее чем кому-либо следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его. Мы решаемся все это высказать г. Островскому потому, что ценим его дарование и не можем не сожалеть о том, что он сам связывает себе руки. Считаем также долгом сказать ему два слова о пристрастии его к крутым и неожиданным развязкам. (В комедии, помещенной во 2-м номере «Русского Вестника», оно выступает еще заметнее.) Мы так уверены в таланте г. Островского, что никак не ищем причины этого факта в неумении совладать с прямым развитием характера до конца; мы думаем, что крутые развязки являются у г. Островского также от желания угодить сценическим условиям — избежать длиннот. Желание это доводит его до торопливости и преувеличенной сжатости и тем самым не достигает своей цели. Вследствие того же самого желания, он, например, в «Не так живи, как хочется» в половине 2-го акта сводит все свои действующие лица в комнате постоялого двора так неправдоподобно, хотя бы Скрибу <в пору>, хоть и не так ловко, как бы француз сумел это сделать. Внутреннее чувство зрителя не может не смутиться при внезапной перемене возвращающегося Петра, и никакая игра актера тут помочь не может. Отчего г. Островский не захотел показать нам самую эту ночную сцену на Москве-реке, со всей ее фантастической и грозной обстановкой? Сценические условия ему препятствовали; да бог с ними, с этими сценическими условиями!

Повторяем: при всех недостатках комедии г. Островского, в ней есть много такого, что мог написать только он один... Одно лицо Груши чего стоит! Кстати, мы слышали от некоторых пуристов упрек автору за то, что он заставляет Грушу отпить вина из рюмки и отвечать потом Петру, спрашивающему, что с нею: «Я пьяна». Но эти упреки так вздорны, что о них и говорить не стоит. Все сцены, где она является, особенно последняя, в которой она на пиру с подружками принимает Петра, про свадьбу которого она уже знает, сцена, где жена Петра выпытывает у Васи, куда ездят ее муж, последняя сцена Петра с теткой — прекрасны. Нам остается желать, чтобы г. Островский шел вперед своею дорогою, не стесняя и не задерживая самого себя, и он сам, быть может, удивится, что произведут его силы, когда он им даст полный простор и свободу.

Затем, по части беллетристики лучшим (из оконченных) произведением декабрьских книжек должно признать повесть г. Зотова ⁶ «Докторша» («Отеч. Записки»). Особенное значение придают ей мысли и соображения, к которым она приводит. Потому мы решаемся посвятить ей две-три страницы.

Чувство сиротливости и одиночества невольно сообщается человеку, прочитавшему эту повесть. Стоишь в раздумьи, точно умер старый зна-

комый: хоть и ничего не имеешь с ним общего, а все-таки жаль, все-таки задумаешься... Признаться, «Докторша» произвела на нас странное, тоскливое чувство: она повеяла рутиной двадцатых и тридцатых годов, а между тем повесть написана добросовестно, толково и даже тепло. Вы чувствуете, что попали в теплую и опрятную комнату, видите плачущих и смеющихся людей; но вы остаетесь совершенно глухи и к смеху их и даже к страданиям... Ни слезы их, ни смех не действуют на вашу душу. Боже! неужели мы такие эгоисты, неужели наше сердце так очерствело в собственных несчастиях, что мы холодно и равнодушнозираем на эту страшную драму, на сумасшествие графа Перского, на низкие происки его брата, Корсалинского, на ползание и пресмыкание пана Жончика? Неужели в нас не пробудили симпатии этот честный и образованный доктор, Грохович, его жена, возвышенная и благородная натура? К сожалению, нет, потому что и порок и добродетель под пером г-на Зотова не получают живой физиономии, они не шевелят вашего сердца и остаются какими-то мертворожденными намеками на живые чувства. Много сделала вреда старая романическая школа: много она убила талантов, много она завещала готовых формочек, в которые легко отливать добродетельных людей...

Какой-то юморист назвал музыку самым шумным из всех предрассудков, а мы скажем, что в наше время писать повести по мерке прежних правоописательных романов — один из самых грустных предрассудков.

Как вам понравится подобное содержание?

⟨Далее опущено изложение содержания повести Зотова. — Р е д.⟩

Боже мой, как все это избито, в какие закутано старые складки романических приемов. Складки тяжелые, потерянные, давно оставленные... Ведь дело вот в чем: разбираемая нами повесть написана искренно; пером автора руководила не литературная спекуляция, а убеждение, что будет хорошо, занимательно. Не грустно ли видеть автора, который тратится на то, на что не стоит терять и сил, и времени. Какая цель повести г. Зотова? что он доказал ею? одно только то, как легко и бесполезно писать подобные романы, для которых не нужно ни поэзии, ни правды, ни художественных приемов, ни мысли, взятой из жизни. Подобные произведения — анахронизм в настоящее время и живое доказательство, как жалки романы во вкусе Поля Феваля, Дюма и т. д., как грешно современному литератору сочинять подобные побасенки... Гораздо лучше подражать гг. Гончарову, Тургеневу, Григоровичу, графу Толстому, хотя вообще подражание вещь нехорошая, но по крайней мере могут удасться хоть две-три теплые и свежие страницы. Неужели автор полагает, что медицинские рассуждения в его повести о Кондильяке, Гейнротте, Оскироле, Линнее, Соваже, Коллене, Дарлинге и т. д. и т. д. выкупают пустоту, отсутствие вкуса в его повести? О вкусах, конечно, не спорят; но странно видеть человека, ныне пишущего, который грудью стоит за рутинные предания устаревших литературных понятий, который с добросовестностью вызывает итти по тропе, заглохшей крапивой и диким папоротником. Как же после этого не смеяться, если, например, какая-нибудь добрая и честная старушка сидит себе одиноко в уголку и все рассказывает про старину, вспыхивает и волнуется, и дрожит, и все рвется в родимое село, в сердечную сторонку?

Первые книжки журналов на 1856 год представили довольно много русских сочинений; в них начаты три русских романа: «Крушинский» г. Потехина («Библиотека для Чтения»), «Плен у Шамиля» г. Вердеревского («Отечественные Записки»), «Последнее действие комедии» г. Крестовского («Отечественные Записки»). Если к ним присоединить «Рудина», который назван автором повестью, но более относится к области романа, да две повести — «Севастополь в августе месяце» («Современник») и «Переписку» И. Тургенева («Отечественные Записки»), то надо будет сознать-

ся, что по части беллетристики начало 1856 года блистательно. И тут еще не все: новый журнал «Русский Вестник», кроме «Старушки», повести Евгении Тур, дал комедию г. Островского «В чужом пиру похмелье», а «Отечественные Записки» напечатали в первом своем номере первую книгу «Од» Горация, в прекрасном переводе г. Фета. Мы покуда лишены возможности говорить о большей части названных здесь произведений, так как почти все они не окончены. О «Переписке» г. Тургенева мы могли бы и желали бы говорить; но нам удобнее будет говорить о ней в связи с другими произведениями того же автора, которого деятельности вообще мы думаем коснуться по поводу «Рудина». Но мы можем сказать несколько слов о статье «Взгляд на русскую критику»⁷, относящейся, по нашему мнению, к области юмора и ошибочно попавшей в критический отдел. Три эпохи издания «Современника»: пушкинская, плетневская и нынешняя, в этой статье странно смешаны автором: деятели одной эпохи упрекаются в противоречии тому, что говорили деятели другой эпохи; сводятся мнения за восемнадцать лет разных лиц, от Пушкина и Гоголя до Анненкова, Боткина, Галахова, Гаевского, Грановского, Дудышкина, Некрасова, Панаева, Тургенева, Чернышевского и других, писавших и пишущих критические и библиографические статьи в нынешнем «Современнике», — эти мнения сводятся, и противоречия, встречаемые в них, возбуждают то удивление автора, то усмешку, то благородное и горячее негодование. Если автор желает быть последователен и довести свой «взгляд» до конца, то в последующих статьях ему должно бросить взгляд на противоречия, существующие между «Отечественными Записками» Свинына и «Отечественными Записками» г. Краевского⁸. Тут найдется не меньше места для удивления, для юмора, для негодования автора. И труд будет не менее полезный. Но к чему так далеко ходить? Довольно будет, если автор коснется разных годов «Отечественных Записок» за время редижирования их одним лицом, и посмотрит, например, в каком отношении между собою находятся: статья «О Бородинской годовщине» Жуковского, статьи о Пушкине и статья о переведенной г. Ордынским «Поэзии» Аристотеля?⁹ Впрочем, длинная шутка редко удастся, и потому всего лучше будет, если автор остановится на первом «взгляде». Да притом и неловко будет «Отечественным Запискам» печатать «взгляд» на самих себя; а что касается до «Современника», то он спешит объявить, что не примет подобного «взгляда» на свои страницы, как бы ядовито ни были в нем доказаны противоречия нынешних «Отечественных Записок» с свиныйскими.

⟨Далее опущен отзыв о «Русском Вестнике», принадлежащий Н. Г. Чернышевскому. — Р е д.⟩

В заключение сообщим литературную новость. В конце февраля или начале марта появится роскошное — в полном смысле слова — издание «Стихотворений» А. А. Фета. В состав его войдут только лучшие пьесы, окончательно и строго пересмотренные. Только по выходе издания, таким образом обделанного, публика увидит, какого поэта в г. Фете имеет современная русская литература.

⟨«Современник» 1856, № 2, 201—223; без подписи⟩

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Изданные П. В. Анненковым «Сочинения Пушкина», первое издание, ставившее себе научно-критические цели.

² Из числа журналов общего характера в 1855 г. были разрешены (и начали выходить в 1856 г.) следующие издания: «Русский Вестник», «Русская Беседа», «Сын Отечества» Старчевского, «Живописная Русская Библиотека» Кс. Полевого и «Музыкальный и Театральный Вестник» М. Раппопорта.

³ Эта статья по поводу «Сочинений Пушкина» принадлежала Н. Г. Чернышевскому.

⁴ Статья о «Русских в Японии» принадлежала А. В. Дружинину («Современник» 1856, № 1).

ПОЛДЕНЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ МОСКВЫ
Картина маслом И. И. Шишкина, 1869 г.
Третьяковская галерея, Москва

* Шармер — модный петербургский портной.

* Владимир Рафаилович Зотов (1821—1896) — беллетрист, драматург, журналист. Известны шесть писем Некрасова к Зотову, из которых три относятся к июню — августу 1844 г. и свидетельствуют о близком знакомстве и общем участии в издательских предприятиях. Об этом периоде своего знакомства с Некрасовым В. Р. Зотов впоследствии рассказал в отрывке «Из воспоминаний» («Исторический Вестник» 1890, № 2, стр. 338—342). Знакомство Некрасова с Зотовым не порывалось и в последующие годы.

* Взгляд на русскую критику был помещен в январском номере «Отеч. Записок», с подписью Г. Б — в — в (Г. Благосветлов).

Анализируя критику «Современника» на всем протяжении существования журнала, автор утверждал, что «вместо «чистых и вечных» начал, критика «литературного журнала» по предмету изысканий словесности 1) не имела решительно никаких начал; 2) за отсутствием всякого определенного направления противоречила себе на каждом шагу; 3) представляла отзывы о таких сочинениях, которых она вовсе не читала; 4) составляла целые сотни рецензий, которые равнялись «жимвалу бряпающему», галиматье; наконец, 5) хвалила или унижала писателей, под влиянием личных побуждений и оскорбительного пристрастия».

В своем ответе на статью Благосветлова Некрасов допустил некоторое преувеличение, обвиняя автора в сознательном смещении разных эпох жизни журнала, тогда как в действительности Благосветлов устанавливал противоречия, главным образом, внутри этих эпох.

В частности, он указывал на перемену отношения некрасовского «Современника» к «народности» повестям натуральной школы (к Григоровичу): безоговорочная их защита скоро сменилась критическим отношением — «Современник» стал подчеркивать их литературную условность и идеализацию действительности. Благосветлов обвинял журнал в непоследовательном отношении к «исключительно-эстетической» критике, которую «Современник» еще в 1848 г. признал «потерявшей всякий кредит», а на деле «постоянно противоречил своим собственным мыслям и казнил исторических писателей на основании той же исключительно-эстетической критики, которую, за шесть лет перед тем, считал решительно невозможной».

В качестве примеров такой критики, опирающейся только на эстетический вкус рецензента, были приведены отзывы о поэзии XVIII в., у которой, по словам «Современника», «форма пьес, конечно, подражательная и устарелая; художественности часто и следа нет». Статья заканчивалась иронической характеристикой методов критики «Современника».

* «Отечественные Записки», издававшиеся в 1820—1830 гг. П. Свиньиным, были органом поверхностного патриотизма, прославлявшим «русские достопримечательности», «русских мужичков-самоучек» и т. п. Они не имели ничего общего с «Отеч. Записками» А. Краевского, которые были основаны только в 1839 г.

* Эти статьи упомянуты Некрасовым как основные вехи развития передовой критической мысли: знаменитая статья «О Бородинской годовщине» Жуковского (1839) была написана Белинским в период его крайнего гегельянства и преклонения перед «разумной действительностью». Его же одиннадцать статей о Пушкине (1843—1846) развивали фейербаховскую теорию художественного «пафоса». Наконец, разбор книги «О поэзии. Сочинение Аристотеля, перевод Б. Ордынский» (1854) принадлежал Н. Г. Чернышевскому и явился первым принципиальным выступлением новой демократической эстетики. Все эти статьи, соответствующие совершенно различным этапам развития русской критики, были впервые напечатаны в «Отечественных Записках» Краевского.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ФЕВРАЛЬ 1856 года

Читатель, в добрый час молвит, оживление русской литературы, о котором мы недавно говорили, продолжается. Лучшие современные таланты, как бы соревнуя друг другу, дарят публике произведения, которые обещают сделать нынешний год памятный в нашей литературе. Весело — не правда ли? — быть читателем в такое время... и даже — поверите ли? — не совсем печально быть журналистом. Благодаря великому и святому закону вознаграждения, и он, многострадальный поставщик чтения (которого не всегда позволительно смешивать с поставщиком дров или свеч), и бедный русский журналист делается иногда причастным некоторым радостям, соединенным с его призванием. Кто испытал муку, и стыд, и тоску недовольства, печатая вещи, недостойные печати, кто по сту раз читал и перечитывал и бросал под стол иную рукопись, а кончал-таки тем, что со скрежетом зубов посылал ее в типографию (как будто,

подобно некоторым сортам вин, плохое сочинение может улучшиться, полежав несколько времени), мы должны признать за тем и право наслаждения, когда приходится выбирать из хорошего, теряясь в соображениях, что напечатать прежде, что потом. Редкое время, золотое время в жизни журналиста, — на этом пути не без терний... но что до терний! На каком пути их нет?

И все то благо, то добро...

Покуда достаёт любви, не страшны тернии, и память о них живет не долее жесткого слова, сказанного любимым существом, и не труднее прощается... но опять-таки: покуда достаёт любви... И пусть же родник ее струится неиссякаемо в сердцах русских писателей, русских журналистов, понимающих свое призвание! С нею много доброго, много прекрасного делает русская литература, много уже сделавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль в развитии нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цели, чуждой материального результата: только успехи отечества на поприще просвещения могут обеспечивать его личный успех, состоящий в стремлении оставить по себе память честного и полезного деятеля, на могилу которого, по неизменному закону Провидения (благословенный закон!) не п р е м е н н о, рано или поздно, упадает один из лучей той славы, в блеске которой желает он и самоотверженно стремится видеть свое отечество!

Сознавая великую цель русской литературы, радуясь ее оживлению, видя в ее настоящем много даровитого, самобытного, мы в то же время не ослепляемся насчет ее настоящих достоинств. Между нами нет гениев. Ко всем ныне действующим писателям вообще и к каждому порознь можно применить следующие стихи:

.....
Заметен ты;
 Но так без солнца звезды видны...
 В ночи, которую теперь
 Мир доживает боязливо,
 Когда свободно рыскал зверь,
 А человек бродил пугливо,—
 Ты твердо светоч свой держал;
 Но небу было неужодно,
 Чтоб он под бурей запылал.
 Путь освещаая всенародно.
 Дрожащей искрою, впотьмах,
 Он чуть горел, мигал, метался...
 Моли, чтоб солнца он дождался
 И потонул в его лучах!

Так. Нет сомнения, когда явится это желанное солнце, этот будущий великий русский поэт, подобный тем, которые делают эпохи в литературе и в истории развития своего народа, — нет сомнения, тогда многое из производимого теперь потускнеет или представится в другом свете; но от того не умалятся заслуги теперешних русских писателей, — тех писателей, которые твердо держали светоч Знания, Истины и Добра, среди сумерек, не освещенных лучезарным сиянием гения... Итак, читатель, не требуя от русской литературы того, чего она дать не может, оцените в ней два неоспоримые ее качества — Д а р о в и т о с т ь, часто блестящую, и Ч е с т н о с т ь стремлений, изумительную, если о ней пристально подумать, — и полюбите ее, если вы еще принадлежите к тем, которые ее не любят...

Переходим к журналам.

⟨Далее опущен отзыв о «Москвитянине» и о напечатанных в нем письмах Гоголя, принадлежащий Н. Г. Чернышевскому. — Р е д.⟩

Новый московский журнал «Русский Вестник» в двух последних книжках представил довольно значительное по объему стихотворение г. Огарева «Зимний Путь». Особенную важность этому стихотворению придает то обстоятельство, что это покуда лучшее из беллетристических произведений, представленных новым журналом. Достоинства этого стихотворения, свойственные вообще г. Огареву, определяются во всем своем объеме следующей строфою:

Еще в избах кой-где мерцает
 Лучины дымный огонек,
 И дева вечный свой клубок
 В полудремоте напрядает.
 Я живо помню, как порой
 Спокойная картина эта
 Своею милой простотой
 Меня пленяла в прежни лета;
 Но ныне девы сонный лик,
 Храпящий на печи старик
 И вечно плачущий ребенок
 В дырявой люльке, и теленок
 Над грязным месивом — ей-ей —
 Как жалкий образ жизни скудной,
 Тоской болезненной и трудной
 Тревожат мир души моей.
 Милей мне в этой деревушке
 Воспоминанье об одной
 Соседке, добренькой старушке
 С вехитрой, детскою душой.
 Она, бывало, пред иконой
 Взывает в искренней мольбе,
 Чтоб бог е м у был обороной
 И пекся о е го судьбе;
 Иль, молча, сидя на диване,
 Гадает трепетно о н е м,
 И все о н е м, о милом Ване,
 О внуке ветренном своем.
 «Ну! что ваш внук?» — «Писал недавно».
 «Чай, денег просит милый внук?»
 «Ну что ж что просит? Вот забавно!
 Ему ведь нужно для наук.
 А мне... Стара я для наряда,
 И ничего самой не надо!»
 И вынет дочери портрет,
 В живых которой больше нет,
 И смотрит с грустною отрадой,
 И смотрит долго, и потом
 Утрет слезу свою тайком.

Много таких задушевно-грустных небрежно-поэтических строф читатель найдет в «Зимнем Пути», — и если он не встретит в остальных строфах ничего свежее, энергичнее, выработаннее по форме, то не встретит также и ничего такого, что было бы ниже приведенной нами строфы, в своем роде прекрасной.

Кстати о стихах. Во 2-м № «Русского Вестника» прочли мы пьесу г. К. Аксакова «Солнце и Луна»¹. Это стихотворение напомнило нам другую пьесу, сходную с ней по содержанию, которую доставил автор ее для напечатания в «Современнике», но которую напечатать мы не решились. Теперь печатаем ее здесь, уверенные, что те, кому понравилась пьеса «Солнце и Луна», отдадут справедливость и стихотворению г. Лебедева, написанному на ту же тему:

Работай, юноша-поэт,
 Во славу мысли и искусства!
 Гони мечту, туманный бред
 И бессмысленные чувства...

Законы истины святой
Средь нашей жизни многосложной,
То величавой, то ничтожной,
Подметь и миру их открой.

Зачем ты ищешь вдохновенья?
Оно в тебе заключено,—
Великих душ и песнопенья
Благоуханное зерно.
Оно, быть может, плод богатый
Произрастит: не заглуши
Ты негой сил и их растратой
Сокровищ истинных души.

Ах, как обманчивы и милы
Мечты и рой кипучих грёз,—
Отрава деятельной силы,
Залог грядущих горьких слез!
Укор тому, кто их лелеял,
Кто силы духа промотал,
Кто много-много в жизни сеял —
И только плевелы пожал.

Кто на земле — лунатик странный —
Душой мечтательной летел
В какой-то области туманной...
Там много слов, но мало дел;
Там все милей, там все чудесней,
И грезы, радужной семьей
Слетаясь в хоры, звонкой песней
Голубят сон души больной.

Но все идет к разумной цели,
Всему приходит черед;
Мечтанья быстро пролетели,
Настало поприще труда.
Но где же он, поклонник неги?
Он здесь, измученный, больной;
Он — робкий путник на ночлеге
В стране безвестной и чужой.

Почуял он впервые муки
В сознании немощи своей,
Как перед ним вставали звуки
Иных, неведомых речей:
Он в этой жизни, в этом мире
Томится скорбью и трудом;
Он — лишний гость на светлом пире,
Он — нищий сердцем и умом!

А прежний мир? Он так чудесен!
Ему бы вновь отдаться сну,
Ему бы грёз и сладких песен
И бледнолицую луну...

Во славу мысли и искусства
Работай, юноша-поэт.
Гони мечту, туманный бред
И неосмысленные чувства.

И. Лебедев².

Признаться, мы не умеем сказать, которое стихотворение лучше, но можем сказать положительно, что ни то, ни другое не удовлетворяет нас в смысле поэтического произведения.

Отметив лучшее (и оконченное) в московских журналах, мы должны были бы перейти к петербургским; но петербургские журналы продолжают статьи, начатые ими в первых книжках. Покуда мы можем сказать только о «Рудине», оконченном во втором номере «Современника» и возбуждавшем в публике жаркие и разнородные толки.

Не знаем, лучшая ли повесть г. Тургенева этот «Рудин»³. Вообще спор о литературных рангах большею частью бывает бесплоден, даже в том случае, повидимому, более всего уместном, когда дело идет о присуждении безусловного первенства тому или другому произведению известного автора. Обыкновенно бывает, что по одним качествам надобно поставить выше остальных одно произведение, по другим — другое, по иным качествам — третье, и т. д. Настоящий случай, кажется, подходит под это правило. Уступая некоторым другим произведениям г. Тургенева в художественной выдержанности целого, «Рудин» должен быть поставлен, по глубине и живости содержания, им охватываемого, по силе и по самому характеру впечатления, им производимого, очень высоко. Существенное значение последней повести г. Тургенева — ее идея: изобразить тип некоторых людей, стоявших еще недавно во главе умственного и жизненного движения, постепенно охватывавшего, благодаря их энтузиазму, все более и более значительный круг в лучшей и наиболее свежей части нашего общества. Эти люди имели большое значение, оставили по себе глубокие и плодотворные следы. Их нельзя не уважать, несмотря на все их смешные или слабые стороны. Они, вообще говоря, оказывались несостоятельны при практическом приложении своих идей к делу, — отчасти потому, что еще недостаточно приготовлена была почва к полному осуществлению их идей, отчасти потому, что разившись более помощью отвлеченного мышления, нежели жизни, которая давала для их воззрений и чувств одни отрицательные элементы, они, действительно, жили более всего головою; перевес головы был иногда так велик, что нарушал гармонию в их деятельности, хотя нельзя сказать, чтобы у них сухо было сердце и холодна кровь. Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразил г. Тургенев. Не столь ясно и полно выставлена им положительная сторона в типе Рудиных. Вероятнее всего, произошло это оттого, что г. Тургенев, сознавая в себе очень сильное сочувствие к своему герою, опасался увлечения, излишней идеализации и, вследствие того, иногда насильственно старался смотреть на него скептически. Оттого характер Рудина, действительно, не столь отчетливо представлен, как многие другие характеры в той же повести. Но неясность его, однако же, не так велика, чтобы трудно было читателю угадать и те его черты, которые оставлены несколько туманными. Мы не все стороны его жизни знаем одинаково хорошо; но тем не менее он живой является нам, и появление этой личности, могучей при всех слабостях, увлекательной при всех своих недостатках, производит на читателя впечатление чрезвычайно сильное и плодотворное, какого очень давно уже не производила ни одна русская повесть. Остальные лица повести очерчены почти безукоризненно, а создание такого характера, как Лежнев, открывает ту благодатную и желанную сторону в таланте г. Тургенева, которой вообще не встречалось в русских писателях последней эпохи... По поводу Лежнева мы когда-нибудь еще возвратимся к повести г. Тургенева. Прибавим, что при многих недостатках «Рудина» в художественном отношении, он показывает, что для г. Тургенева начинается новая эпоха деятельности, что его талант приобрел новые силы, что он даст нам произведения еще более значительные, нежели те, которыми заслужил, в глазах публики, первое место в нашей новейшей литературе, после Гоголя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖНИЦ С ПОЛЯ
Картина маслом В. Г. Перова, 1874 г.
Третьяковская галлерей, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Солнце и Луна» К. Аксакова — аллегорическое стихотворение, в котором живая Луна противопоставляется Солнцу правды:

Твоих поклонников довольно,
Довольно в мире, о луна!
Тоски, и скорби добровольной,
И лжи, и нравственного сна.
.....
О солнце! враг видений живых!
Тот только солнце любит смело,
Кто жизнь в мечту не обратил,
Кому доступно в мире дело,
Кто не изнежил данных сил... и т. д.

Говоря о том, что подобные стихотворения неудовлетворительны «в смысле поэтического произведения», Некрасов высказывается против облеченной в стихи дидактики.

² И. Лебедев в литературе неизвестен.

³ Ср. в письме Некрасова к А. Н. Майкову от 1 октября 1868 г.: «Я сейчас прочитал Рудина, вторую часть (хочу писать о ней), ей-богу, это очень хорошо... нет, уж мы очень загнали нашего седого Митрофана! И эпиллог хорош и верен, только сух несколько... Но по мысли верен. Анпенков тут едва ли прав. Противоречия нет. Почему же такая рефлектирующая голова не могла, накопел, попробовать действовать». — Письма, V, 236. Анализ отношения Некрасова к Тургеневу и его оценки «Рудина» см. в настоящем томе в статье А. Лаврецкого, Литературно-эстетические взгляды Некрасова, стр. 60—61.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА МАРТ 1856 года

Читатель, хотя дело и не касается журналов, но Вам будет отраднее прочесть следующие строки, которыми открывается речь графа Д. Н. Блудова, по случаю назначения его президентом Императорской Академии Наук¹.

«Далее опущены цитаты из речи Блудова и рассуждения по ее поводу. — Ред.»

Переходим к журналам. — В 3-м № «Отечественных Записок» окончены два романа, начавшиеся с первой книжки, и мы теперь должны гордиться г. Майкова «Рыбная Ловля», украшающем тот же 3-й № «Отеч. Записок». Мы всегда любили поэтический талант г. Майкова, всегда ценили его и верили в него, верили даже тогда, когда талант этот несколько удался от истинных условий творчества², не допускающих ничего преднамеренного, заданного самому себе самим же поэтом или кем бы то ни было. Кто так начал, как начал г. Майков, и так продолжал:

I.

На дальнем севере моем
 Я этот вечер не забуду.
 Смотрели молча мы вдвоем
 На ветви ив, прилегших к пруду;
 Вдали синел лавровый лес,
 И олеандр блеснул цветами;
 Густого мирта был над нами
 Непроницаемый навес;
 Синели горные вершины;
 Тумана в золотой пыли
 Как будто плавали вдали
 И акведуки и руины...
 При этом солнце огнем,
 При шуме водного паденья,
 Ты мне сказала в упоеньи:
 «Здесь можно умереть вдвоем»...

II

FORTUNATA

«Ах, люби меня без размышлений,
 Без тоски, без думы роковой,
 Без упреков, без пустых сомнений,
 Что тут думать? Я твоя, ты мой!
 Что тебе отчизна, сестры, братья?
 Что нам в том, что скажет умный свет?
 Или холодны мои объятья?
 Иль в очах блаженства страсти нет?
 Верь в любви, что счастьем не умчаться,
 Верь, как я, о гордый человек,
 Что нам век с тобой не расставаться
 И не кончить поцелуя ввек....»

(«Очерки Рима», 1847)

Тот, кто так начал и так продолжал, конечно, не мог возбудить сомнения в своем таланте; но одно время поэт начинал внушать опасение, чтоб талант его, принявший направление, ему несвойственное, не остановился в своем развитии. И мы душевно рады, что теперь уже подобное опасение должно назвать совершенно неосновательным. «Рыбная Ловля» г. Майкова — лучшее доказательство, что талант его растет и совершенствуется. Ее, бесспорно, должно назвать лучшим произведением г. Майкова.

Тихонько удочки забравши, впопыхах
 Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
 Но быстро я челнок свой оттолкнул от плота
 И, гору обогнув, зарылся в камышах.
 Злодеи-рыбаки уж тут давно: вон с челном
 Запратался в тростник, тот шарит в глубине...
 Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
 Есть напряжение в сей людной тишине:
 Лишь свистнет в воздухе леса волосная,
 Да вздох послышится — упорно все молчат
 И зорко издали друг за другом следят.
 Меж тем, живет вокруг равнина водяная,
 Стрекозы синие колеблют поплавки
 И тощие кругом шныряют пауки,
 И кружится, серебась, светков веселых стая,
 Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

 Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
 Как яркие горы там при солнце заходящем!
 Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
 Краснеют темных сосн сторукие стволы
 И отражаются внизу в заливе черном,
 Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
 С той стороны село. Среди серебристой мглы

Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем, как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню умирая;
От сердца пылкого все злое прочь гоня,
Не вы ль, мира с людьми, учили жить меня?..

Эти два превосходных отрывка сами за себя говорят достаточно. Нам остается только сказать, что любое место во всей пьесе не уступит им в поэтическом достоинстве.

«Последнее действие комедии», роман В. Крестовского (псевдоним дамы-писательницы, как было сказано в одном объявлении)³, замечательно во многих отношениях: в нем высказались все достоинства и недостатки этого автора. Из ныне пишущих женщин-писательниц г-жа Крестовская серьезнее других посмотрела на литературное дело, внимательно вгляделась в изображаемый ею мир и обнаружила стремление пойти дальше женских чепцов, гримас, салонных шпильки и огорчений своих героинь, поняв, что только тот из писателей имеет право на симпатию и уважение читателя, кто шевелит его сердце, пробуждает негодование ко всему низкому и презренному, кто касается серьезных общественных вопросов, в ком энергия, мысль и правда идут дружно об руку. Нельзя не сознаться, что влияние женщин-писательниц в нашей литературе далеко не так благотворно, как следовало бы ожидать: они вдалились в мелочность наблюдений, в фальшивый экстаз, в мелодраматическую искренность и наводнили нас, по большей части, утомительными, болтливо-педантическими размышлениями в форме повестей, рассказов, пословиц и т. д. Иногда берет, право, досада, как это они позволяют своим героям пить вино и играть в карты, когда этим шалунам следовало бы, как несовершеннолетним, драть за такие проделки уши или ставить их в угол. Кроме шуток, в деле обрисовки мужских характеров наши писательницы решительно слабы. Другой недостаток наших писательниц следующий: в каждой их повести — по крайней мере двадцать два бала или десяток вечеринок и бесчисленное множество визитов, французских фраз и карточек. Все это очень и н т е р е с н о в жизни, но скучно, мелко и незани-

БОЛЬШАЯ ДОРОГА

Картина маслом Л. Л. Поплавского, 1870-е гг.
Художественный музей, Краснодар

мательно в литературе. Факт грустный, но не подлежащий сомнению: почти у всех наших писательниц лучшие произведения их — первые повести; остальное — вариации на одну и ту же тему. Вообще всем им вместе и каждой порознь вредит... как бы деликатнее выразиться?.. то, что они, если можно сказать, преисполнены «ненужных слов и мыслей, ставших общим местом».

В произведениях г-жи Крестовской менее всего слышится напряженной крикливости и светской болтливости. Ей иногда удаются даже мужские характеры: хотя они не рельефны, но в них слышится наблюдательность и мысль. И вообще, — если б в повестях г-жи Крестовской было поменьше «книжности» и побольше жизни, они поспорили бы с лучшими произведениями новейшей литературы. Резонёрство и ум, переходящий в умничанье, — вот коренной их недостаток, тем более важный, что благодаря ему, при всех своих достоинствах, повести г-жи Крестовской — с к у ч н ы. После первых своих, не совсем удачных, литературных дебютов, она заметно развивается и идет вперед.

Содержание романа «Последнее действие комедии» можно рассказать в нескольких словах. В одном губернском городе живет семейство, принадлежащее к губернской аристократии. Глава семейства — пустейший человек, красавец собою, мот, картежник и любезник; жена его (старуха сравнительно с ним) черствое существо, благодушное по внешности, но безобразное по своим понятиям, лицемерка и ханжа. У нее на все есть готовый афоризм. Спрашивают ее, например: «вы расстроены болезнию вашей дочери?» — она с величавой кротостью отвечает так: «Я? нет. Что такое болезнь? На то мы рождены. Кто переносит с терпением, тому и болезнь в сладость». Все, что ни делается вокруг ее, она называет безумием. Скажут ей, например, что такая-то девушка — хорошенькая собой, она с укоризной ответит: «красота человеческая есть прах и тление. Чем меньше этого безумия — браков, тем лучше». У этих супругов есть сын — кислый, ничтожный юноша, и дочь, немолодая, но замечательная девушка по уму и сердцу. Все дело в романе заключается, главным образом, в мелких семейных отношениях и в характеристике губернских нравов. Промотающийся отец хочет поправить свои расстроенные обстоятельства и трактует об этом самым циническим образом с своим достойным сынком. Молодая девушка, впадшая в какую-то страшную апатию и безотрадную сосредоточенность, наконец оживляется. Оживить печальную жизнь немолодой девушки, конечно, может только одно — любовь. В этой любви, нажившей годами, так давно и тщетно ею ожидаемой, высказались вся энергия и благородство этого несчастного существа, начинавшего уже гложуть среди тяжелой семейной обстановки. Но это чувство не спасло ее: брак, по стечению обстоятельств, расстроился, а с ним, скоро после того, окончилось и ее земное существование.

Содержание просто и не ново, но тем больше чести автору, что он умел совладать с этим стареньким сюжетом. Лучше всех выдержан характер лицемерки-ханжи, г-жи Оршевской, и ее приятельницы, Пелагеи Михайловны. Обе они корчат постные физиономии, никого не обвиняют и всех ненавидят, ничем тленным не интересуются; а, между тем, Пелагея Михайловна, вся воплощенное сребролюбие, имеет капитал, одолажает людей и жмет их с холодностью ростовщика. Елена Ивановна, которая считает себя безгрешною, — ничтожная жена, дурная мать, но которой вся цель жизни состоит в том, чтоб служить своими добродетелями живым укором другим людям. Они друг друга ненавидят, ссорятся, вздыхают и мирятся. Одна скажет: «Не ропщите, не ропщите!.. Ох, ропот... вы знаете, что такое... или уныние. Боже избави!» Другая, которая не умеет еще так ловко маскироваться, взбесится, а потом с сокрушением прибавит: «да... гордость — начало всякого греха!»

Отдавая должное прекрасному таланту г-жи Крестовской, мы укажем и на его недостатки. Главный мы указали уже в коротких словах выше; скажем о нем подробнее. В ущерб художеству, она любит слишком много анализировать и рассуждать⁴. Эти анализы длинны, как монологи в старых драмах, утомительны, как прописные морали. Так, например, одно вступление в роман производит самое неловкое впечатление⁵: это какое-то оправдательное словопрение, и оно значительно предупреждает читателя против всего романа, который, вопреки ожиданиям, оказывается интересным. В этих рассуждениях есть что-то детское, словно автор боится того, чтоб не сказали, что он пишет безделушку, и он спешит рассеять это сомнение и доказать серьезность своих занятий тремя-четырьмя страницами философских рассуждений. Пусть автор отрешится от этой замашки незрелых талантов, пусть он вспомнит, что все истинные художники скупы на слова, от своего лица говорят кратко и мало; пусть автор, не жалея, уничтожает целые страницы своих анализов и рассуждений, если только он горит желанием совершенствовать свой художнический талант. Кроме утомительности, эти анализы более всего затемняют отношения действующих лиц (это более всего заметно в ее последнем романе), придают мертвенность там, где вспыхнула неподдельная жизнь, ослабляют и свежесть и поэзию рисунка, придавая всему характер книжности. Еще посоветуем автору, для будущих его успехов, прятать как можно подальше от читателя свою личную мысль, нерасположение к тому или к другому лицу и казнить своих героев их же поступками. Осветите только равным, правдивым светом ваши фигуры, и, поверьте, читатель все поймет. Тепло, гуманно перо автора, но торопливо и слишком резко там, где должен всплыть наружу весь герой, и часто автор, совершенно некстати, высказывает сам на страницах своего романа. Это вредит делу.

Повесть г-на Вердеревского⁶ «Плен у Шамиля» чрезвычайно интересна. Это — невымышленный рассказ о восьмимесячном пребывании в плену у Шамиля семейств князя Орбелиани и князя Чавчавадзе. Не рассказываем его содержание, потому что оно отчасти уже известно читателям из наших газет, и отсылаем любопытствующих к самому рассказу. Скажем одно: повесть г-на Вердеревского представляет в высшей степени интересную и мало известную нам картину нравов воинственных горцев. Поэтому его повесть, сверх литературного интереса, имеет еще интерес политический и исторический и, в последствии, может служить весьма важным мемуаром для историка далеко неисследованного нами края. Здесь в особенности любопытны характеристика домашней жизни Шамиля, портреты его жен, приближенных сановников, влияние имама на народ, выкуп и обмен пленниц и переговоры по этому случаю. Благодаря рассказу г-на Вердеревского, для нас несколько уяснилась загадочная личность Шамиля, человека, бесспорно, замечательного, хитрого и изворотливого, лукавого и недоверчивого. Его дипломатические переговоры, осторожность и недобросовестность, пламенное желание получить миллион за выкуп и столь же пламенное желание увидеть своего сына, поручика Джемаль-Эддина, исполнены живого интереса. Наконец, драматизм всего происшествия, пребывание в плену еще придают колорита этой оригинальной картине. Мы уверены, если б перевести эту повесть на иностранные языки, она имела бы за границею успех: так ново, драматично и картинно все событие.

Что же касается собственно до исполнения повести, то в этом отношении она не совсем удовлетворительная, и хотя автор говорит в своем предисловии, что он «постиг всю важность простоты в настоящем (описываемом) случае», но, к сожалению, он менее всего придерживался этой простоты. Слог его напыщен и витиеват, обилует излишеством эпитетов, и вообще видно, что г-н Вердеревский как будто старается разжалобить своего чи-

тателя и вследствие этого историю, и без того драматическую, усиленно тянет вверх, так сказать, на самую верхушку пафоса и красноречия. Неприятно также поражает тон его повести: словно читаешь песнопение какого-нибудь миннезингера, живописующего семейные огорчения благодетельных владетелей замка. Но, повторяем, интерес повести так велик, что даже и это, с течением рассказа, исчезает и не делается столь резким. Мы поздравляем «Отечественные Записки» с приобретением такой, истинно капитальной статьи, потому что недостатки произведения нисколько не относятся к журналу — это уже вина самого автора.

В 3 № «Библиотеки для Чтения» в высшей степени замечательная статья г. академика Устрялова «Первые морские походы Петра Великого в 1693 и 1694 гг.». Вообще обнародованные донные эпизоды из громадного труда г. Устрялова несомненно свидетельствуют о высоком и всеобщем интересе, который должна возбудить «История Петра Великого», таким образом изложенная. Нет сомнения, что она завоюет себе столько же читателей и такую же славу, как завоевала история Карамзина, и что труду нашего академика предстоит в своем роде роль столь же блистательная и благотворная по влиянию, какая долго принадлежала «Истории Государства Российского»⁷.

Появился 21 (он же и 22) номер «Москвитянина». В нем, к сожалению, не встретили мы продолжения писем Гоголя к г. Погодину, и вообще содержание его небогато. В «Крымских Письмах» Н. В. Б.⁸, интересу которых журнал наш уже не однажды отдавал справедливость, любопытнейшим на этот раз показалось нам следующее место:

«П р и п и с к а к п и с ь м у о т 28-го о к т я б р я.

Государь приехал сегодня во втором часу. Замечательное обстоятельство: тотчас после того, как он из церкви прошел в дом, назначенный для его помещения, — над этим домом явилось 22 орла, которые кружили долго и потом полетели по направлению к Евпатории. Немного погодя явилось опять столько же (и все со стороны Севастополя), и опять покружили над его домом и полетели к Евпатории. Надо заметить, что до сих пор орлов здесь было очень мало. Во все время, как мы здесь живем, пролетели орла два-три».

Да еще очень хороши стихи, навеянные автору ханским дворцом в Бахчисарае:

Проснулись вновь дворца немые сени:
В жилище непробудной тишины,
В чертоги сладострастия и лени
Повеяло дыхание войны.
Где осенял высокоствольный тополь
Веселых одалиск игривую семью,
Сидит солдат, израненный в бою,
И видит в снах своих гремящий Севастополь...
О мрамор старых плит рукой он оперся...
Там прежде бил фонтан и царствовала нега...
Вдруг — слышит он — гремит почтовая телега,
И русский колокольчик залился —
И сердце екнуло у русского солдата;
И сон другой он видит наяву —
И Русь широкую, и матушку-Москву;
Пред ним жена и малые ребята —
И слезы каплют на траву...

Не правда ли, удивительные стихи! И прочувствовано сильно и сказано хорошо. В том же письме нашли мы прекрасный перевод сонета Мицкевича «Странник»:

Так, я достиг давно желанной цели:
У ног моих цветущий край земли,
И моря шум, и реют корабли,
Качаясь в волнах, как в колыбели.

Но снятся мне родимые метели...
О Русь, леса дремучие твои
Отраднее и слаще сердцу пели,
Чем звонкие Байдара соловьи.
И кажется мне краше и дороже
Немая ширь и глушь моих степей,
Чем пышное цветов душистых ложе...
Там и любил на утре лучших дней,
Там и она... но снятся ли ей то же,
Что снится мне о прошлом и об ней?

Кстати, снимем с г. Б. обвинение в некоторых мелочах и чисто-личных подробностях, которые попадались в прежних его севастопольских письмах и казались не всегда уместными: ныне г. Погодин объявил, что он, вопреки желанию автора, не хотел исключить таких мест, из опасения нарушить искренность и безыскусственность писем.

ПОЖАР В ДЕРЕВНЕ

Рисунок К. А. Савицкого, 1887 г.
Третьяковская галлерей, Москва

В последних книжках «Русского Вестника» появилось несколько замечательных статей ученого содержания. Мы будем говорить о них в следующем месяце. Журнальная деятельность в Москве обещает и еще более оживиться изданием нового журнала «Русская Беседа», предпринятым г. г. Кошелевым и Филипповым⁹. Мы можем ошибиться, но у нас есть твердое убеждение, что «Русской Беседе», так или иначе, суждено играть благородную и благотворную роль в русской литературе и вообще в развитии нашего общества. Как бы ни проявились убеждения людей, соединяющихся в «Беседе», в основе их убеждений лежит начало животворящее — бескорыстная и глубокая любовь к России; а такая основа уже сама собою исключает апатию, разрешающуюся в деятельность рутинную и бесплодную. С нетерпением ждем первого № «Беседы», обещанного в начале апреля.

Упомянув о новом журнале, нельзя умолчать и о журнале, который в своем роде также производит впечатление новости. Это «Пантеон»¹⁰, которого первая книжка на 1856 год на-днях появилась в Петербурге. «Пантеон» никогда не был журналом лишним в русской литературе, и мы

душевно рады его возобновлению и обещанию — впредь издаваться аккурратно.

Желая ему всяких успехов, не можем не указать издателю его на следующее обстоятельство. Главнейшая причина неуспеха его журнала заключается, по нашему мнению, в неопределенности его направления: хочет ли «Пантеон» быть журналом в роде «Отечественных Записок», «Современника», или же основная цель его быть изданием специальным, согласным с его первоначальным назначением? От этой двойственности цели «Пантеон» не имеет никакой определенной физиономии. Было бы гораздо лучше, если бы он избрал одну которую-нибудь цель и строго держался ее. К чему подражать другим журналам, когда «Пантеон» может иметь собственный, совершенно самобытный характер? Нам кажется, что журнал по преимуществу драматический (пожалуй, с прибавлением иногда повестей, но только не таких, какие появлялись в прошедшем «Пантеоне»), — журнал, который поставил бы своею целью — драматическую отрасль искусства и, в случае недостатка русских пьес, переводил бы классические произведения иностранных литератур, — такой журнал скоро приобрел бы уважение публики, получил бы физиономию и сделался бы необходимым. Но «Пантеон» сгубила гоньба за многосторонность: никто никогда не пестрил своих оберток таким разнообразием (кажущимся), как «Пантеон». Знамя с надписью: «Русский театр и стремление к его развитию» казалось ему слишком легким и ничтожным. Он взял и театр, и литературу, и науку... и сломился под тяжестью такого многоцветного знамени. Теперь он снова поднялся, и мы желаем, чтоб обновление его было прочно.

Далее опущены объяснение с «СПб. Ведомостями», указывавшими, что «Современник» перепечатал, приписав Пушкину, стихотворение Туманского «За днями дни идут чредой», и полемика по этому поводу с А. А. Краевским. — Р е д. >

<«Современник» 1856, № 4, 223—237; без подписи>

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Опущенный отзыв об этой речи, произнесенной Блудовым по случаю назначения его президентом Академии Наук, не следует, конечно, понимать в смысле сочувствия этому верному слуге самодержавия; автор статьи (у нас нет никакой уверенности, что это — Некрасов) рассматривает речь сановника как официальный документ, свидетельствующий о решении правительства в той или иной мере «поощрять просвещение» в связи с назревавшими реформами; исходя из этой декларации, автор статьи рисует широкие культурно-просветительные задачи деятельности Академии Наук.

² Некрасов имеет в виду «тенденциозные» стихи Майкова 1854 г. (см. в настоящем томе мою вступительную заметку к публикации эпиграммы Майкова «Авторам послания к Лонгинову»).

³ В. Крестовский — псевдоним Н. Д. Хвоцинской (1825—1889), известной романистки, дебютировавшей в 1847 г. стихами, в 1850 г. напечатавшей первую повесть. Прозаические произведения Хвоцинской пользовались большим успехом: и уже в 1859 г. были изданы, в 6 частях, ее «Романы и повести В. Крестовского».

⁴ Та же склонность к излишней рефлексии и мелочному психологическому анализу была отмечена в рецензии на повесть в стихах Хвоцинской «Деревенский случай» («Современник» 1854, январь). А. Н. Пыпин, в кн. «Н. А. Некрасов», СПб., 1905, 236, предположительно считает автором рецензии Некрасова, что подтверждается ее общим характером.

⁵ Роману Хвоцинской было предпослано морализующее вступление, в котором автор на протяжении трех страниц занимается оправданиями характера тематики романа и объясняет его заглавие.

⁶ Е. А. Вердеревский — поэт и прозаик, начавший литературную деятельность в 1820-х годах; в 1854—1856 гг. — редактор газеты «Кавказ». Написанная им вместе с неким Н. Дункель-Веллингом шовинистическая брошюра «Шамиль в Парияе и Шамиль поближе» (Тифлис, 1855) была рецензирована Некрасовым («Современник» 1855, июль; авторство устанавливается наличием автографа, хранящегося в Демидовском музее Н. Г. Чернышевского в Саратове).

⁷ Н. Г. Устрялов (1805—1870) — профессор истории, академик. Предсказание «блестательной и благотворной роли» его работам о Петре мало соответствовало их скромным достоинствам. См. статью Добролюбова по поводу первого тома «Истории царствования Петра Великого» Устрялова (Полн. собр. соч. Добролюбова, М., 1936, III, 114—212 и прим. А. В. Предтеченского, 605—609).

⁸ Н. В. Б.— Н. В. Берг; о нем см. в примечаниях к публикации его писем к Некрасову в следующем томе наст. издания.

⁹ «Русская Беседа» (1856—1860) — ежемесячный журнал, орган славянофилов, выходивший в Москве под редакцией А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова. Подробный отзыв о первой книжке «Русской Беседы» был дан Н. Г. Чернышевским в «Заметках о журналах» за май («Современник» 1856, № 6).

¹⁰ «Пантеон» (1852—1856) — литературно-художественный журнал, издававшийся Ф. А. Кони. Возник в результате преобразования чисто-театрального журнала «Пантеон и Репертуар русской сцены» (1850—1851) в общелитературный журнал крайне разнообразного содержания, с уклоном в историю и теорию театра. В годы Крымской войны «Пантеон» постепенно утратил популярность, как журнал, далекий от общественных тем и к тому же не получивший права на перепечатку военных известий из «Инвалида».

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА МАЙ 1856 года

Читатель, мы еще ничего не говорили вам о комедии графа Соллогуба «Чиновник», игранный с успехом на сцене, напечатанной в 3 № «Библиотеки для Чтения» и наделавшей, как говорится, шуму ¹. И мы очень рады, что ничего не говорили, потому что от нас вы верно не услышали бы о ней такого дельного и меткого слова, какое сейчас услышите. Дело в том, что комедия графа Соллогуба, затронув один из самых живых современных вопросов, вызвала, между прочим, следующее суждение о ней специалиста, — суждение, с которым мы совершенно согласны и которое поэтому с удовольствием помещаем здесь.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОМЕДИИ «ЧИНОВНИК»

Из записок «Чиновника»

«А нечего сказать, хотелось бы мне сегодня пойти в театр — посмотреть на «Чиновника». Кажется, будь один лишний рубль, зашел бы непременно».

Таково было рассуждение мое с самим собою, в среду на маслянице, 22 февраля сего 1856 года, когда я, возвращаясь от должности в пять часов пополудни, остановился, по обыкновению моему, в подъезде Александринского театра и прочитал выставленную второпях боком афишу, для чего должен был и голову склонить несколько набок. Рассуждение это прервалось само собою, при мысли об отсутствии не только лишнего, но даже и необходимого рубля в моем кармане, — и я пошел своей дорогой, с тем умирительно-грустным чувством в душе, которое поймет только господин, прочитавший обеденную карту у Дюссо, когда обладает средствами, достаточными на приобретение лишь папироски.

«Впрочем, ежели бы и был у меня рубль — рассуждал я далее — ежели бы он теперь и был у меня, вот со мной в кармане, так неужели мог бы он назваться лишним, когда я в месяц имею таких рублей только 28, а у меня жена, трое детей, да еще старушка-матушка, да есть сестра замужем за человеком, служащим другой год без жалованья, в ожидании вакансии... Тоже надо нанять и кухарку на все руки; надо одеться, чтоб на службе-то не сидеть оборванцем: нынче этого не любят, да и самому неприятно, все как-то хочется почище. А опять возьмите: в семействе болезни, родины, крестины... не дай бог, похороны... вот они, лишние-то рубли, и понадобятся. Нет, кабы лишние-то были, так не стал бы я отмеривать сюда каждый день с Выборгской да назад столько же: я бы лучше нанял квартиру хоть повыше, да поближе к должности. А то теперь как:

к должности надо явиться в 9 часов, стало быть выйти из дому в 8; просидишь до 4, как следует; да как начальник-то приехал в 12, так у него, гляди, усердия-то хватит за половину пятого. Известно, сытый голодного не разумеет. Назад-то когда же придешь? в 7 часу. А подмышкой принес работки и на вечер. Вот они и все радости мира сего... начинай завтра сначала... так тут не до театров.

В таких-то безотрадных размышлениях дойдя до квартиры, я потолковал с своими и, приладившись к своему рабочему, он же и чайный, столику, засел за обычное писание. Но, как ни был я занят своим делом, безотвязная мысль: хотелось бы и мне посмотреть на этого «Чиновника», — нет-нет и прошмыгнет между лбом и глазами. Проснулась ли страсть моя к театру, зародившаяся еще давно-давно, когда мы жили далеко отсюда и не так как живем, когда у покойного батюшки бывали домашние спектакли, где и я на 13 году отличался в «П р о в и н ц и а л ь н о м А д о н и с е», и где сотни рук подхватывали меня со сцены и сотни уст заверяли батюшку, что ну... такой мальчик не пропадет (последствия, впрочем, мало оправдали это предсказание)... проснулась ли, говорю я, страсть эта, убаюкиваемая в последние годы ежедневным прочтыванием афиш в подъезде Александринского театра, имя ли гр. Соллогуба, которому я некогда поклонялся за его «Б о л ь ш о й с в е т» и «И с т о р и ю д в у х к а л о ш», или, наконец, утешительная надежда увидеть на сцене не того чиновника, каких нам доселе показывали: пьяных, небритых или смешных своею важностью, или гадких своею алчностью: нет! а чиновника-человека, сознающего всю важность своего призвания, во всякую минуту и во всех обстоятельствах помнящего всю святость клятвы, данной им богу пред первым шагом своим на это скользкое и многотрудное поприще, — мысль о «Чиновнике» из головы моей не выходила, и долго бы не удалось мне посмотреть на него, ибо лишнего рубля и теперь еще у меня нет, — долго бы «Чиновник» этот был виновником моих и сладких снов и бессонных ночей, а иногда и причиною неуместной рассеянности, ежели бы, в месте моего служения, не получался журнал «Библиотека для Чтения». Книга за март, обойдя, как и следовало, по рукам старших, дошла до меня только на сих днях. С жадностью схватил я ее и, на этот раз не пожалев расстаться с гривенником, прикатил домой на «В а н ь к е» и засел за чтение.

Я отыскал прямо отдел «Петербургской Хроники», перевернул несколько страниц, и вот... вот стр. 122: «В среду на маслянице, на сцене Александринского театра дана новая комедия графа Соллогуба «Чиновник», — комедия, имевшая огромный и вполне заслуженный успех. С большим удовольствием рассказывал бы я здесь содержание этой прекрасной пьесы; но — увы! — это невозможно: вы сами прочтете ее в этом журнале...»

Так она здесь, эта прекрасная пьеса! Не отходя с места, я прочел ее в этом журнале.

Богатая, молоденькая, умненькая и хорошенькая графиня, вдова, приехала из Петербурга в свое имение и, от нечего делать, позволяет ухаживать за собою своим соседям: старому селадону Стрельскому и промотавшемуся, убежавшему от невесты, повесе Мисхорину; но когда третий сосед ее, дрянной старичишка, ябедник и сутяга Дробинкин заводит с нею тяжбу, вследствие чего приезжает из губернского города молодой, умный, образованный и богатый чиновник Надимов, то, как и следовало ожидать, графиня и Надимов влюбляются взаимно, и она говорит ему: «Останьтесь». Затем следует картина, и занавес опускается. Кажется, эта завязка не новая и, по причине частого употребления, мало интересная. Не думаю, чтобы и сам автор, положив руку на сердце, не согласился со мною в том, что, сосредоточив все свое внимание на главном лице комедии, чиновнике, он вовсе не занялся отделкою прочих, отчего и вышли все они бесцветны до такой степени, что, как говорит рецензент «Библиотеки

для Чтения», и даровитый артист Сосницкий был словно связан чем-то в роли Стрельского. Я же прибавлю к этому: истинно удивляться нужно г-ну Мартынову, ежели он что-либо сделал из роли Дробинкина; а затем, отложив в сторону графиню, Стрельского, Мисхорина и Дробинкина, займемся мы и главным лицом комедии — чиновником Надимовым.

Сколько раз случалось мне встречать на службе добрых, благонамеренных, истинно прекрасных молодых людей, которые, при всех этих качествах, ежели начальник на шаг их от себя отпустит, не сделают ему ничего, кроме чепухи, и не оттого, чтобы они не хотели заняться делом

ВЫХОД ИЗ ЦЕРКВИ

Картина маслом А. М. Морозова, 1865 г.

Третьяковская галлерей, Москва

как следует: нет! усердия у них много; да или они не умеют за дело приняться, или же молодость возьмет свое, и тогда прости-прощай дело, за которым они ехали с такими прекрасными намерениями. Такие люди сами по себе только бесполезны; но ежели вместе с таким чиновником случится тут же какой-нибудь, что называется, дѣла, о! тогда этот прекрасный чиновник делается уже вредным, ибо дѣла, загоразиваясь его присутствием, обрабатывает дело так, как тому и во сне не снится, тем более, что и сон прекрасного молодого чиновника безмятежен, как сон самой невинности.

Образец такого чиновника показал нам ныне и автор подлежащей комедии, в лице Надимова.

Когда вышеупомянутый ябедник и сутяга Дробинкин послал губернатору жалобу на вышепереченную графиню, за подкос его сенокосных

дугов, и губернатор, выйдя на этот раз из законного порядка (ибо жалобы в подобных случаях приносятся не губернаторам, а земским судам), послал на место, для производства об этом следствия, своего чиновника Надимова, то г. Надимов, влетев щеголем к графине, приступил прямо к трактату о несбыточности надежд человеческих, потом пошел с графиней в сад, прогуливался с нею под ручку, рассказывая, как обманулся он в первой любви своей, и, наконец, влюбился в графиню... А дело, за которым он приехал? Помилуйте! до того ли теперь ему, тем более, что бестолковый Стрельский наводит его на мысль, будто графиня выходит за Мисхорина, и в то же время он, Надимов, получает от губернатора, с нарочным, предписание исследовать один из поступков того же Мисхорина. Не зная, как видно, вовсе своих обязанностей, ни порядка следственного производства, Надимов тут же объявляет Мисхорину, в чем он обвиняется, и в чужом доме приступает к формальному допросу обвиняемого; а тот, вероятно, смекнув, с кем имеет дело, говорит ему: «да позвольте! вы-то сами кто такой? как вас самих зовут?» Вот была бы штука, ежели бы Мисхорин, под каким-нибудь невинным предлогом выйдя из комнаты, сел на тройку да уехал на все четыре стороны! Был бы тогда чиновник с праздником. Но этого не случилось. Разговор из официального пошел на откровенности, и Надимов, в припадке великодушия к сопернику, забыв об отношениях следователя к обвиняемому, дает ему свои деньги, а сам, полагая, что он, Надимов, имеет право, во всякое время и ничего не сделав, сесть и уехать с места своего назначения, объявляет торжественно, что он уезжает; но потом, порассказав несколько о тягости трудов своих, хотя на этот раз трудов, кажется, у него не было, и услышав от графини утешительное: «останьтесь», остается, вероятно, для составления, вместе с прочими лицами, картины.

Итак, если автор комедии «Чиновник» хотел нам показать одного из чиновников, делающих за глазами начальства чепуху, то он вполне достиг своей цели, и комедия его есть истинное зеркало действительности; но как в то же время ему угодно было вложить в уста чиновника этого несколько чисто прекрасных слов о любви к отечеству, о долге каждого содействовать к искоренению взяточников, о службе по совести, то зачем же было этого так честно говорящего человека показывать нам с такой пустой, ничтожной стороны?

Надимов, как видно из его же о себе рассказов, проболтавшись несколько лет по свету без цели и без разума, испытав любви и сладости и горести, вспоминает, наконец, что у него есть отечество, которое он должен любить и которому, вступив в гражданскую службу, он может принести немалую пользу уже и тем, что ототрет собою взяточника, и с этою-то мыслию, не гнушаясь мелкою должностю, определяется чиновником особых поручений при начальнике одной из губерний нашей широкой и богатой Руси*.

Чиновники особых поручений суть руки, глаза и уши начальника губернии. Губернатор, при множестве обязанностей, удерживающих его постоянно в губернском городе, не может, да и закон его не обязывает, бывать в губернии более одного раза в год; а между тем, в губернии много совершится в этот год такого, где нужно бы ему и взглянуть, и прислушаться, и распорядиться. И вот для этого-то он и имеет у себя чиновников особых поручений, людей, им самим избранных, испытанных, опытных и непременно добросовестных; ибо случится ли в губернии особой важности уголовное происшествие, губернатор посылает произвести о нем следствие чиновника своего, потому что чиновники места, где происшествие

* В пьесе Надимов называет себя просто чиновником, но по положению, данному ему автором, он именно чиновник особых поручений.

это случилось, как люди местные, могут иметь с прикосновенными к делу лицами и отношения личные, которых у чиновника, губернатором избранного, быть не должно... а здесь бездельца! здесь идет дело о состоянии, о чести, о политической, быть может, смерти человека, и нередко дворянина: следствие есть основа всего, ибо, от первой и до самой высшей инстанции, суд судит вас по произведенному чиновником следствию, и ежели при производстве следствия этого все законом постановленные формы соблюдены, никакой суд ничего для вас не сделает. Если губернатору принесена жалоба на неправильные или противозаконные действия властей и мест уездных, он посылает своего чиновника поверить эти действия. Дошло ли до губернатора, что такой-то из чиновников уездных живет шире того, как бы мог он жить по средствам, данным ему от правительства, или, получая рублей 500 в год жалованья, проигрывает по 500 рублей за вечер, — и губернатор дает своему чиновнику первое попавшееся под руку дело в том уезде, а между тем поручает ему взглянуть в этого бонвивана и артиста на зеленом поле, прислушаться к говору о нем того общества, в котором он вращается, а ежели, на беду, человеку этому вверено еще и хранение сумм казенных, то неожиданно для него и посмотреть, крепко ли они у него уложены. Случится ли в губернии болезнь повальная, неурожай на хлеб, где нужны распоряжения и быстрые и безукоризненные впоследствии, губернатор и за этим посылает того же чиновника. Вот и теперь, еще в недавнюю годину испытаний наших, заготовление и отправка провианта, формирование и обмундировка ополчения, все это делалось лицами, особо для того назначенными; но чтобы взглянуть на все, наблюдать за всем, удостовериться, все ли в исправности, и тут, конечно, употреблялись губернаторами те же чиновники. И не забудьте, что все, что чиновник этот сделает, что он увидит, узнает и о чем доложит губернатору, все это принимается так, как бы видел, слышал, сделал губернатор сам. Так сколько же опытности и в деле и в жизни, сколько добросовестности, благонамеренности и испытанной честности должны иметь эти чиновники! И эти-то места, сопряженные с такой тяжелой ответственностью перед богом, законом и добрыми людьми, г. Надимов относит к числу мелких должностей, полагая в простоте своего непорочного сердца, что крупные должности только тут в Петербурге, и забывая пословицу наших прадедов, научающую нас тому, что всякий кулик велик в своем болоте, что только круг действий чиновника в губернии теснее здешнего, а значение-то в своем месте одно и то же. Разница в том, что чиновник губернский, коли делает промах, так на одну свою губернию, а уж тут человек размахнется на всю Русь православную...

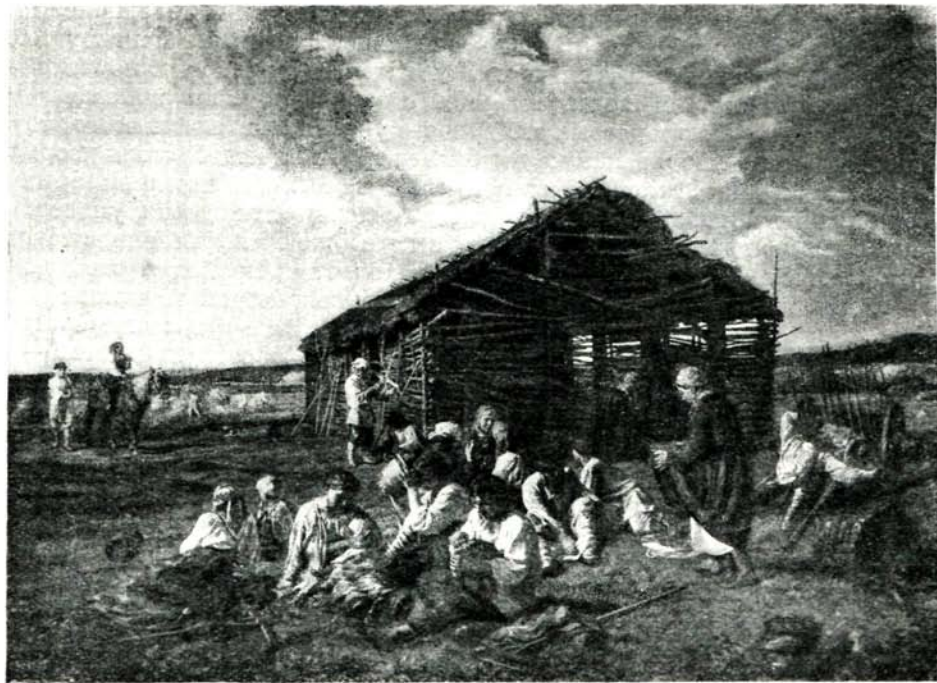
Честно ли же со стороны вашей, г. Надимов, спрашиваю я теперь вас самих, перед лицом всех, — проболтавшись, как выше сказано, несколько лет без цели, без разума, затесаться прямо на такое место, которого и значения-то вы не понимаете, а между тем гордитесь, что оттерли собою взяточника и что, имея большое имение, не берете взток, так неосторожно вам предлагаемых, как говорится, среди белого дня, в обществе четырех человек и в том числе молоденькой графини?.. Хорошо рассказываете вы о пользе вступления вашего и вам подобных на службу; но слова, батюшка, не есть дела, пользу-то от вас мы сейчас видели. Оно и видно, что любовь к отечеству, с которою всякий честный человек родится, всасывает ее с молоком матери и становится с нею на ноги, не была для вас первою любовью, а пришла на ум уже впоследствии от нечего делать. Да и с чего берете вы, что вступлением своим на службу оттерли вы непременно уже взяточника?.. А может быть, иной молодой человек, один из тех, которые по закону обязаны по окончании курса наук прослужить три года в местах губерnskих, уже не три, а шесть и более лет потрудился честно, добросовестно, при-

обрел познания, которых у вас нет, и по справедливости надеялся занять то место, которое вам угодно было выхватить у него из-под носа? В таком разе, м. г., воображая принести собою пользу, вы делаете тройное зло: беретесь за дело не по силам, лишаете достойного — вознаграждения, а службу — полезного чиновника. А сколько еще каждое из этих трех зол повлечет за собою таких, которых вы и не подозреваете, но которые должны бы тяжело ложиться на вашу безукоризненную, по мнению вашему, совесть! Да и зачем вы, вооружаясь так грозно на взяточников и взятки, облачаете последние в такой тесный смысл, такую вещественную форму? Ведь не одна только передача из рук в руки денег, вещей, лошади, барана, курицы есть взятка. Нет, милостивый государь, на службе всякое удовлетворение вашего «Я» насчет вашего же служебного положения есть уже взяточничество, и взяточничество наглешее и вреднейшее того, о котором идет теперь дело; а от иной подобной взятки, быть может, и вы не откажетесь.

Итак, г. Надимов, скажу вам вашими же словами ²: шутить тут нечего, тут нет ничего смешного, и смеяться я не в силах. Мне кажется, что тут, напротив, надо плакать и каяться и слезами покаяния стереть пятно, наложенное на нас веками. Надо вникнуть в самих себя, надо исправить-ся, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора, и, действительно, она пришла, искоренять зло с корнями. Теперь словами не поможешь, надо действовать, и лучшее порицание дурному — пример хорошего. Надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, пожертвовал собою и (здесь я говорю уже от себя) прежде всего сознал бы свое место. Многие мог бы я сказать вам по поводу взяточников и взяток, быть может, многое и к искоренению последних; но, к несчастью, на разных путях мы с вами: вы, с вашим незнанием дела, на театральных помостах пожинаете лавры за ваши разглагольствования о любви к отечеству; я же, с моим многолетним трудом, не осмелился бы подать и голоса, если бы вы не задели за живое всякого из нас, сознающих не хуже вашего и действительное присутствие посреди нас зла, и необходимость рано или поздно вырвать его с корнем, — предложением вашим заменить одно зло другим: ибо согласитесь, что система оттирания со службы людей малодостаточных и уже по одному тому, как полагаете вы, взяточников, людьми, подобными вам, есть ничто иное, как починка «т р и ш к и н а к а ф т а н а». Смейтесь над взяточниками, порицайте их, мешайте их с грязью, бросайте в них камнями: они этого заслуживают, — но не говорите же и того, чтобы уже одно звание, один вид незначительного чиновника внушали мысль о возможности предложить ему подкуп. Стало быть, вы до сего часа не заметили даже и той действительной пользы, которую принесла службе благодетельная мера — оставлять молодых людей, по окончании курса наук, служить непременно в нижних и средних инстанциях. Разберите-ка хорошенько, что из этого вышло на самом деле, и тогда вы увидите, что со времени его учреждения много уже у нас развелось таких чиновников, которым, несмотря на то, что у них нет больших имений, как у вас, не всякий осмелится сделать предложение, подобное тому, какое было сделано вам. Снизойдите же из мира фантазии в мир действительный, оглянитесь попристальнее на то, что окрест вас очью совершается, и вы тогда постигнете, что человеку, как вы, подобные предложения могли сделать не иначе, как полковник — спроста, а Дробинкин — разве насмех.

Некогда мне с вами, г. Надимов, долго разговаривать: пора на службу; но на прощанье скажу вам в коротких словах то, о чем на досуге не мешало бы поговорить и более: ежели вы точно честный человек и любите свое отечество, не загораживайте же собою дороги труженику, а поезжайте лучше в ваше саратовское имение: там вас ждут, быть может, тысяча

подобных вам людей, быт которых вверен вам судьбою. Там увидите вы, и, быть может, не без пользы человечеству, каким потом орошалась та земля, из которой добывались средства к бессознательному шатанью вашему доселе по свету; а увидев это, вы приберете к рукам непременно плута-старосту, вы выгоните вон непременно немца-управителя, и, самым уже возвращением вашим на свою землю, сократив расходы, сократите требования и облегчите труд людей, вам подвластных. А служба — она от вас не уйдет. Разве нет ее там же в вашем окологде? Служите по выборам; но и тут не давайте глазам своим разгораться прямо на место предводительское, — ответственность не малая, — нет! а, не гнушаясь мелких должностей, идите в земский суд: там есть должности старших

ОБЕД НА СЕНОКОСЕ

Картина маслом А. М. Морозова, 1861 г.

Третьяковская галлерея, Москва

или неперменных заседателей и, наконец, исправников. Начинайте с первых, потому что надо вам еще учиться, как мы видели это сейчас из опыта, — и из вас потом выйдет хороший исправник. Побудьте заседателем в уездном суде, и вы сделаетесь современем судьей; а до этого дай бог с честью дойти всякому. Самое слово «судия» определяет уже всю святость обязанностей этого звания, и если вы в должности этой соедините в себе кротость, милосердие и правосудие, божественным законом нам предписанные, если вы, произнеся в день несколько приговоров над себе подобными и отходя ввечеру ко сну, без страха, с лицом светлым, осмелитесь сказать: «Господи! я не нарушил твоей заповеди!», о, тогда узнаете вы, существуют ли на свете служебные обязанности, которые бы можно было назвать мелкими должностями и которыми благомыслящий и благородный человек позволил бы себе погнушаться. Вы будете уездным предводителем дворянства тогда уже, когда узнаете людей, вас окружающих, и вместе с тем изучите все, что до того вам знать следует; а если затем,

под руководством уже вашим, будут избираемы в уездные должности, о которых мы сейчас говорили, люди, вам подобные, которые, так же, как и вы, станут начинать с начала, тогда в ваш уезд губернатору не зачем будет и посылать чиновников, — разве что разобрать какого-нибудь честного горемыку с каким-нибудь купцом-прошалайгой. Конечно, и по выборам нельзя же все должности замещать людьми достаточными, нельзя же отвергать и недостаточных, по одному только этому подозревая в них людей нечестных; но бывает и так, что иной бедняга м а л о д у ш н ы й суетится, мечется перед выборами, вымаливает себе местишко и клянется и распинается, что оправдает доверие, а смотри, в голове-то у него сидит, как бы ригу поправить да обгорелого мужика обстроить. Пособите ему, если у вас есть избыток — пусть его поправится; две сотни вам ничего не значит, а он надолго починился. Но и скажите ему: «вот тебе, положим, Хрисанф Сергееч, место, а вот тебе и поправка; смотри ж, нужды у тебя нет, а шалить будешь, мы вышвырнем тебя, как гадину». Да и не жалейте ж потом уж ни его, ни жены, ни детей его: пред ним вы виноваты не будете, а перед женою и детьми его виноват уже он сам. После всего этого спрашиваю я вас: кто же, как не вы, будет избран в предводители дворянства всей губернии? А между тем, пока вы с чистою совестью шли к этому высокому призванию, другой молодой человек по выходе из университета, где-либо в другом конце трудился с таким же бескорытием, с такою же добросовестностию на службе от правительства; проходил все должности с помощника столоначальника, был и секретарем и чиновником особых поручений, ассессором и советником, послужил и в министерстве: везде надо посмотреть, надо поучиться, надо же и себя показать, — и наконец труды его вознаграждены по заслугам: он стал в вашей же губернии губернатором. И вот тогда-то оба, в цвете лет, но уже с опытом в деле и жизни, оба с чистою совестью пред богом и государем, дружно рука об руку поведете вы к совершенству, быть может, тысячу людей, которых служба и честь будут вам вверены. Да не покажется же вам долго ожидать этого, ибо не сами ли вы сказали: «нескоро делаются великие перевороты»?..

«Чиновник».

«Далее опущена вторая половина статьи — разбор «Русской Беседы», принадлежащий Н. Г. Чернышевскому. — Р е д.»

«Современник» 1856, № 6, 235—256; без подписи»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Комедия гр. Соллогуба «Чиновник», имевшая большой успех на сцене, вызвала ряд резко отрицательных отзывов демократической и либеральной критики, из которых особенно известны позднейшие статьи Н. Ф. Павлова («Русский Вестник» 1856, № 6), сочувственно интерпретированные Н. Г. Чернышевским («Современник» 1856, №№ 7 и 8).

² Дальнейшее, начиная от слов: «шутить тут нечего» до слов: «пожертвовал собою», является дословной цитатой из реплики Надимова («Чиновник», явление двенадцатое).

От редакции. Суммируя все данные об авторстве каждой отдельной статьи из цикла «Заметок о журналах», автор настоящей публикации, ныне покойный, А. Я. Максимович, пришел к выводу, что наличные материалы подтверждают «вероятность принадлежности Некрасову критического фельетона о комедии Соллогуба «Чиновник» (см. выше, с. 231). В действительности, как это установил М. М. Гин, такая атрибуция ошибочна. Автором фельетона был М. Н. Львов. В библиографическом справке о нем, опубликованной в 1858 г. в «Русском художественном листке» В. Ф. Тимма (№ 7, от 1 марта) сказано: «Первым из напечатанных его [М. Н. Львова] произведений была статья „Несколько слов о комедии Чиновник (из записок чиновника)“, помещенная в „Современнике“ за июнь 1856 года». Ср. с этим указание Чернышевского в письме к Некрасову от 13 февраля 1857 г.: «Львов (который написал разбор „Чиновника“ соллогубовского)...» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1949, т. XIV, с. 341). Таким образом, в «Заметках о журналах за май 1856 года», Некрасову принадлежат лишь первые строки статьи (вводные замечания к фельетону).